

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-3-66-111

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом

Вступительная статья и примечания *С.В. Сапожкова*

Публикация *А.В. Сысоевой* и *С.В. Сапожкова*

Аннотация: Традиционно З.Н. Гиппиус рассматривается преимущественно в окружении писателей модернистского лагеря, в контексте религиозно-обновленческого движения Серебряного века. Между тем, литературные и личные связи «декадентской мадонны» отнюдь не ограничивались родственным окружением, распространяясь на представителей иных «партий», часто враждебно настроенных по отношению к литературному авангарду. Публикуемая переписка с поэтом-сатириком и переводчиком П.И. Вейнбергом, ярким выразителем демократических идеалов эпохи 1860-х, может послужить хорошей фактической площадкой для выстраивания принципиально иной парадигмы личностных и литературных контактов З. Гиппиус, совершенно по-новому раскрывающим грани ее творческой личности, принципиально открытой литературному процессу рубежа веков, во всем разнообразии и пестроте представляющих его писательских сил. Письма к П.И. Вейнбергу — один из разделов готовящегося в серии «Литературное наследство» тома «Из эпистолярного наследия З.Н. Гиппиус».

Ключевые слова: З.Н. Гиппиус, П.И. Вейнберг, Литературный фонд, Шекспировский кружок, «пятницы» К. Случевского, стихотворный экспромт.

Информация об авторах: Сергей Вениаминович Сапожков, д.ф.н., профессор МПГУ, Москва. E-mail: servensap@yandex.ru

Анастасия Владимировна Сысоева, к.ф.н., рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург. E-mail: sysoevaav@gmail.com

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 17-04-00553).

Переписка Зинаиды Гиппиус с известным переводчиком и поэтом-сатириком Петром Исаевичем Вейнбергом (1831–1908) примечательна во многих отношениях. Она поучительна для понимания истории творческих контактов представителей разных, во многом противоположных и по мировоззрению, и по эстетическим пристрастиям, и по кругу общения писательских поколений. Гиппиус — признанный лидер и выразитель идеологии религиозно-философского течения отечественного символизма 1890-х — начала 1900-х годов, Вейнберг — поэт-сатирик, чье творчество впитало

в себя демократические настроения эпохи «шестидесятых», эпохи «Искры» и «Свистка». В понимании «народнической» критики 1880–1890-х годов (Н.К. Михайловский, А.М. Скабичевский) имена Гиппиус и Вейнберга всегда стояли по разные стороны «баррикады», принадлежали к непримиримым, враждующим литературным «партиям», исключавшим какой-либо творческий диалог. И то обстоятельство, что такой диалог все-таки состоялся, что он протекал весьма интенсивно вопреки, казалось бы, очевидным разногласиям, заставляет с особым вниманием вчитаться в публикуемые письма, по-новому раскрывающие духовный облик корреспондентов, взаимная личная приязнь и дружба которых опровергают известное представление о литературном процессе как только «борьбе» и «смене» «старого» «новым».

Прежде чем приступить к характеристике писем Гиппиус к Вейнбергу, стоит хотя бы бегло напомнить те вехи писательской биографии последнего, которые будут стимулировать взаимный интерес корреспондентов друг к другу. Свой писательский путь Вейнберг начал как автор сатирических фельетонов в «Искре» (цикл «Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений “Искры”», 1860–1863) и сатирических стихов и пародий (сб. «Юмор. Стихотворения Гейне из Тамбова», 1863). Наибольшее влияние на характер поэтического дарования Вейнберга оказал тон его ранних переводов из Г. Гейне («вызывающая дерзость насмешливых мыслей вместе с наивной нежностью сердца», по точному определению З. Венгеровой)¹, особо осязаемый в стиле его собственной лирики. Этот сплав традиций демократической сатиры и иронической поэзии Гейне во многом сформировал поэтическую личность Вейнберга, с его любовью к игре рифмами, приверженностью к экспромтам, каламбурам и *bon mots*, капризным перепадам лирического пафоса и трезвого скептицизма, стихотворным пуантам и ироническим развязкам. Эта особенность дара как нельзя лучше совпала с общительностью и открытостью его личности, его неумным литературно-общественным темпераментом.

Личность Вейнберга-журналиста, издателя и ведущего сотрудника многочисленных журналов, «толстых» и «тонких», «серьезных» и не очень, рассчитанных на культурную элиту и массовый спрос, неотделима от его участия в многочисленных кружках, обществах, салонах, вечерах, обедах и просто дружеских пирушках литераторов, где он был главным «заводилой» и душой компании. Изабелла Гриневская вспоминает характерную деталь домашнего интерьера Вейнберга: его квартиру, «обставленную со строгим ком-

¹ Венгерова З.А. П.И. Вейнберг (К 50-летию его литературной деятельности) // Образование. 1901. № 12. С. 99.

фортом, была лишена совсем гравюр, картин и вся была увешена портретами писателей, по преимуществу, русских. Большинство портретов с автографами. Столики, столы, этажерки, кронштейны также уставлены портретами. С этой коллекцией портретов может сравняться разве только коллекция портретов талантливого переводчика русских поэтов на немецкий язык г. Фидлера»². То, что сегодня называется «литературным бытом», для Вейнберга было неперменной частью и органическим проявлением творческой натуры автора. Он подозрительно относился к «кабинетным» писателям, ведущим уединенный и замкнутый образ жизни, и многое делал для того, чтобы сплотить писателей за рамками их письменных столов, объединить их участием в разнообразных «мероприятиях», проводившихся по линии Литературного фонда.

Вейнберг организовывал постановки русской классики с участием писателей, был заядлым театралом, сам писал для сцены. В частности, инсценировал «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева (1894), сочинял прологи для сцены, например, «У Фонвизина» (отдельное издание — 1893) — к «Недорослю», «Миллион терзаний» (отдельное издание — 1895) — к «Горю от ума», писал водевили, оперные либретто. Особо надо отметить литературные чтения — вечера, на которых поэты и прозаики с эстрады читали свои произведения; в них также принимали участие лучшие актеры, профессиональные чтецы и рассказчики. Часто такие вечера проводились по так называемой «подписке»: многочисленная публика покупала билеты, а доход с вечера шел в пользу того или иного писателя (на лечение, на поддержку в старости и т.п.) или его семьи. Участие Вейнберга в организации и проведении такого рода вечеров трудно переоценить.

Именно участие в таких вечерах и положило начало прочной дружеской приязни между корреспондентами. По приглашению Вейнберга Гиппиус не единожды выступала на литературных чтениях. Так, 19 ноября 1896 г. она читала на вечере, проходившем в зале Кредитного общества. Об этом событии сохранилась запись в дневнике Ф. Фидлера (со слов К.С. Баранцевича): «...Она была вызывающе одета: стиль ампир, белое платье с серебряными блестками, по плечам — будто два крыла. Когда она начала читать свое скандальное *“Небеса унылы и низки...”*, публика стала смеяться; когда же она дошла до места *“Но люблю я себя как Бога”*, — всеобщее “ха-ха-ха” смешалось с громким шипением»³. Эта неудача не остановила Гиппиус. 27 декабря 1897 г. она вновь выступила на литературно-музыкальном вечере в память Н.А. Некрасова и

² РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 28.

³ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 2008. С. 195–196.

И.С. Тургенева, устройтелем которого также был П.И. Вейнберг⁴. Много позднее, в книге воспоминаний «Живые лица», Гиппиус преподносит сам факт приглашения ее на подобные мероприятия как доказательство известной «дерзости» Вейнберга: «Однако была у него тут немножко и шалость: вот вам, не одни мы, послушайте-ка и новенького! Мы порою чувствовали себя с ним, как проказливые дети. Подымется шум — Вейнбергу и горя мало: пусть пошумят, тем веселее. Сам, бывало, выйдет со мной на эстраду несколько раз. [...] Примешивая к старикам более молодых, Вейнберг приучал к ним, мало-помалу, публику»⁵. То, что Гиппиус была не одинока в подобных оценках, подтверждается воспоминаниями той же Гриневской, страстной любительницы и неперменной участницы литературно-музыкальных концертов, устраиваемых Литературным фондом: «На этих вечерах-концертах [...] П.И. Вейнберг не только выдвигал “молодых” и знакомил писателей с читающими массами, особенно со студенчеством, но, выдвигая молодых, он при этом не заталкивал в задний и темный угол “старых”, не создавал между ними средостения зависти, не потворствовал захватническим инстинктам тех или других кружков, течений, не потворствовал инстинктам овладеть браздами законодательства на литературной арене. Он истинно стремился к объединению литературной братии. В этом и было главное благо, приносимое его деятельностью»⁶. Эта широта и толерантность подхода к литературе в сочетании с безукоризненной честностью и порядочностью в личных отношениях снискали Вейнбергу заслуженный авторитет в писательской среде Петербурга. С 1893 г. он член Комитета Литературного фонда, а в 1901 г. избирается его председателем.

Однако то, что с исторической дистанции воспринималось объективно, как факт эпохи, вблизи переживалось остро-драматически, требовало затраты немалых душевных сил, оборачивалось охлаждением дружеских связей. О том, каких порою серьезных колебаний стоило Гиппиус дать согласие на участие в «шалостях» Вейнберга, какое внутреннее напряжение испытывала она, выходя на эстраду перед пестрой и, в большинстве своем, мало сочувствующей ей, а то и вовсе враждебно настроенной публикой, в окружении писателей, своих «заклятых» недругов, — свидетельствует ряд писем, относящихся к подготовке литературного вечера, состоявшегося 30 декабря 1895 г. (см. коммент. к письмам № 5–7). От

⁴ Письмо Гиппиус к П.П. Перцову от 1 января 1898 г. // Русская литература. 1991. № 4. С. 130.

⁵ *Гиппиус З.* Живые лица / Сост., вступит. ст. и коммент. А. Николюкина. М., 2002 С. 167–168.

⁶ РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 28 об.

обоих корреспондентов в данной ситуации потребовалось немало душевной деликатности и открытости, чтобы правильно понять друг друга и остаться друзьями.

В очерке «Благоухание седин», вошедшем в книгу воспоминаний «Живые лица», Гиппиус оставила литературный портрет Вейнберга, акцентируя в нем наиболее дорогие черты. И то, что он был «душа всех литературных вечеров, хранитель “честного” литературного направления»⁷. И то, что только в его маленьком подвале на Фонтанке, где кого только ни встретишь, была «настоящая, исконная “литературная среда”»⁸. И то, что Вейнберг, «так нежно, так верно любивший литературу старую, так знавший и ценивший ее традиции, даже быт, интересовался и новым. [...] Он пытался схватить и понять, как умел, движение литературы *во времени*»⁹. Весь этот спектр оценок личности Вейнберга вобрал в себя небольшой изящный стихотворный экспромт Гиппиус, словно отчеканивший благородную статью духовного облика адресата:

Люблю — хрусталь бесценный и старинный,
 Обычай невозвратимых дней,
 Благоприятны старые картины
 И старое вино душе мойей.
 Всегда, всегда любила я седины,
 И, наконец, пришла моя пора:
 Не устояло сердце робкой Зины
 Перед цветами Вейнберга Петра!¹⁰

Такого рода признания — не только игра в литературную «галлантность» и отнюдь не проявление женского кокетства. Сам тон и характер переписки корреспондентов убеждают в искренности и сердечной теплоте этих слов. Не стоит сомневаться, что Вейнберг платил Гиппиус той же монетой. И хотя ответных писем практически не сохранилось, но из писем Гиппиус отчетливо вырисовывается и облик ее визави — истинного «рыцаря» своей «дамы», несколько старомодного, но верного и, что немаловажно, способного к иронической самооценке.

Разумеется, литературной романтикой отношения Гиппиус и Вейнберга отнюдь не исчерпывались. Они не были лишены и чисто прагматического интереса. Мережковские в первые годы столичной жизни очень нуждались и, чтобы заработать деньги на заграничные путешествия, которые предпринимались не только в профессиональных и познавательных, но и в лечебных целях (Гиппиус

⁷ Гиппиус З. Живые лица. С. 166.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Там же. С. 167.

¹⁰ Гиппиус З.Н. Стихотворения / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Академический проект, 1999. С. 288.

страдала хроническими легочными заболеваниями), вынуждены были сотрудничать во всех журналах, включая «пестрые». Кроме того, для этих же целей — получения сравнительно быстрого и ощутимого литературного заработка — они много переводили, особенно Д.С. Мережковский, а среди отечественных переводчиков конца XIX в. Вейнберг — фигура очень авторитетная, пользовавшаяся заметным влиянием в журнальных кругах¹¹. В письмах Гиппиус читатель не раз встретит эту — «деловую» — сторону их отношений.

Отдельного внимания заслуживает эпизод с разрешением на публикацию в «Новом пути» писем С.Я. Надсона к Мережковскому. Он был настоящей проверкой на честность и открытость отношений между корреспондентами. Можно понять Вейнберга, который, не желая ссориться с М.В. Ватсон, литературной душеприказчицей Надсона, испытывал определенное чувство неловкости перед просьбой Гиппиус дать разрешение Литературного фонда на публикацию этих писем. И дело тут было не в нарушении чьих-то авторских прав и даже не в «нравственной» стороне вопроса, а в том, что Вейнберг понимал, что, санкционируя эту публикацию в ненавистном для всех «народников» и «демократов» журнале «декадентов», он в глазах «партии Надсона» будет выглядеть, по крайней мере, конформистом. Вейнберг явно рисковал своей литературной репутацией. И, тем не менее, интересы литературы, как убеждала его Гиппиус (см. п. № 22), должны были восторжествовать над партийными пристрастиями — и они восторжествовали. Два письма Надсона к Мережковскому (1883 г.) были опубликованы в журнале «Новый путь» (1903. № 4), а впоследствии перепечатаны в полном собрании сочинений Надсона (Пг., 1917) под редакцией М.В. Ватсон¹².

Задолго до этого случая Гиппиус могла убедиться в том, насколько Вейнберг восприимчив к «новому», насколько неугасим в нем живой, неподдельный интерес к актуальным явлениям литературного процесса. В начале 1890-х, испытывая большие затруднения с публикацией романа «Юлиан Отступник» в «Северном вестнике», Мережковский старался найти поддержку на стороне. И нашел ее — у Вейнберга¹³. Благожелательный прием у него встретил

¹¹ О Вейнберге-переводчике см.: *Туандер К.Ф.* Петр Исаевич Вейнберг // *Известия Отделения русс. яз. и словесн. Императорской Академии Наук.* 1909. Т. XIV. Кн. 4. СПб., 1910. С. 132–151; *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. С. 261–288. Список переводов Вейнберга, им самим составленный, см.: РГБ. Ф. 360. Оп. 2. Ед. хр. 29.

¹² 8 писем Мережковского к Надсону опубликованы и прокомментированы А.В. Лавровым. См.: *Новое литературное обозрение.* 1994. № 8. С. 178–192.

¹³ См. об этом: *Зобнин Ю.* Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 110–111.

и следующий «неприкаянный» роман писателя — «Воскресшие боги»¹⁴. Возможно, некоторые недатированные записочки Гиппиус, в которых говорится о всевозможных «чтениях» у Вейнберга, относятся именно к этим эпизодам в их писательских контактах. То же касается и устройства заседаний так называемого Шекспировского кружка, о которых идет речь в письмах Гиппиус (см. пп. №№ 1, 41). Один только список участников этих встреч, на которые собирались люди, искушенные в тонкостях литературы, изощренные эстеты и авторитетные «декаденты» (князь А.И. Урусов, С.А. Андреевский, А.Л. Волынский, И.И. Ясинский, В.Д. Спасович, сами Мережковские), и органичное соседство с ними «старомодной» фигуры Вейнберга — говорят сами за себя... Среди отечественных исследователей и переводчиков Шекспира имя Вейнберга занимает далеко не последнее место¹⁵. Вейнберг, приват-доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы, часто выступал с публичными лекциями о Шекспире, и в письмах Гиппиус есть свидетельства неподдельного интереса к этой сфере его деятельности (см. пп. №№ 4, 9). Но не только интерес к Шекспиру способствовал сближению Вейнберга с окружением Гиппиус. На заседаниях Шекспировского кружка обсуждались и новинки современной французской, «декадентской» литературы: произведения Малларме, Гюисманса, Сера, Блуа, из «старых» — Флобера и Бодлера¹⁶. И, надо думать, компетентность Вейнберга как участника таких заседаний не вызывает сомнений. По свидетельству З. Венгеровой, среди современных историков литературы Вейнбергу не было равных в знании всех тонкостей немецкого Sturm und Drang'a и «Молодой Германии»; в то же время он был прекрасно осведомлен о «самых новых явлениях, о нервной художественности Верлэна, об исступленном громителе общества Стриндберге, о новом мире образов, созданных Метерлинком, — и всегда он, хотя и спорил против чрезмерного увлечения новизной, выказывал умение чувствовать высоту вдохновения и в самых непривычных форматах»¹⁷.

¹⁴ В недатированном письме (зима–весна 1898 г. ?) к неустановленному лицу З. Гиппиус [?] делится литературной новостью: «Мережковский читал у Вейнберга отрывки своего романа и имел успех» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 2056. Л. 167).

¹⁵ См.: Шекспир: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962 / Сост. М.И. Нелидова. М.: Книга, 1964 (по указ.)

¹⁶ О Шекспировском кружке см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 263.

¹⁷ Венгерова З.А. П.И. Вейнберг... С. 95.

Когда же в культурной атмосфере эпохи ощутимо повеяло нео-религиозными «ветрами», Вейнберг нередко приходил на квартиру Мережковских и, по свидетельству Гиппиус, «долго, серьезно расспрашивал, откуда этот уклон к религии, что он означает, что думаем мы»¹⁸. Если верить современникам, то Гиппиус в беседах с «Гейне из Тамбова» могла быть столь откровенной, что иногда позволяла себе делиться некоторыми рискованными идеями своей «декадентской» философии любви, часто получавшими искаженный резонанс в виде комических слухов — в том, например, роде, «что отвергает *чувственное, половое наслаждение* и признает лишь одно *сладострастие*»¹⁹.

Разумеется, многие эти и другие культурные «новации» эпохи скорее вызывали у Вейнберга чувство недоумения, а то и откровенной досады и плохо скрываемого раздражения (стоит вспомнить хотя бы решение комитета Литературного фонда отклонить запланированную на начало 1901 г. лекцию Д. Мережковского «Л. Толстой и Наполеон-Антихрист»)²⁰, но в данном случае следует отметить сам его живой интерес к ним, желание услышать оппонента. Впрочем, по части неприятия некоторых новомодных поэтических веяний вкусы Вейнберга и Гиппиус порой совпадали. Таким, например, было их саркастическое восприятие так называемой «декадентской» поэзии 1890-х гг. Когда совсем еще юный Владимир Гиппиус в гостини Мережковских, «слегка завывая, декламировал что-то насчет ненавистных звезд и хищных воронов, его немыслимые стихотворные размеры вызвали [...] досаду Вейнберга, покинувшего комнату со словами: “Убейте меня, если я хоть что-нибудь понял!”»²¹. И можно быть уверенным, что такой эффект был заранее предусмотрен Гиппиус, искавшей себе союзников в крестовом походе против «декадентства».

Но, пожалуй, наиболее для нас интересен сам стиль писем Гиппиус к Вейнбергу и — шире — стиль их общения. Мы с удивлением обнаруживаем, что «декадентская мадонна», которую привыкли наблюдать в богемной среде символистских салонов или в обстановке напряженных «богословских», «ученых» споров, бушевавших на знаменитых Религиозно-философских собраниях, — так легко и свободно, весело и непринужденно владеет искусством иронического дружеского письма, полного каламбуров и пародийных аллюзий, так органично чувствует себя в жанре стихотворного экспромта, такая мастерица на всякого рода шутки, афоризмы и литературные

¹⁸ Гиппиус З. Живые лица. С. 171.

¹⁹ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов. С. 184.

²⁰ См. об этом: Мережковский Д. «Отцы и дети» русского либерализма (Письмо в редакцию) // Мир искусства. Т. 5. № 2–3. С. 126–128.

²¹ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов. С. 177.

розыгрыши²². «Высокое» «жизнетворчество» символистов в лице Гиппиус встретилось с «демократическим» «литературным бытом» в лице Вейнберга — и отнюдь не проиграло от этой встречи, а засверкало новыми, ранее неизвестными гранями творческого дара Гиппиус, обнаружило способность легко вбирать в себя этот «быт», преобразовать его в процессе увлекательной литературной игры, в которую она включилась с подачи своего корреспондента²³. Эту восприимчивость творческой натуры Гиппиус к «аттической» закваске смеховой культуры шестидесятников, на которой, как на дрожжах, возрастали плоды их несколько грубоватой, но обаятельной юмористической музыки, Вейнберг, несомненно, оценивал по достоинству, чего, к примеру, нельзя сказать о Мережковском, вообще сторонившемся любых фамильярных контактов, и уж тем более — с «шестидесятниками».

Впрочем, подыгрывать экспромтам и розыгрышам своей визави Вейнберг был готов до известных пределов — пока они не затрагивали неприкасаемых в его понимании литературных святынь — таких, например, как имя А.С. Пушкина. Показателен инцидент, описанный в дневнике Ф.Ф. Фидлера, случившийся во время Пушкинского вечера в Мариинском театре 3 апреля 1899 г.: «В момент апофеоза (мы стояли слева и справа от памятника) на сцену вышла Зиночка Мережковская и принялась разглядывать памятник через лорнет; затем, когда занавес поднялся во второй раз, она расположилась у ног Пушкина вместе с Чюминой и Лохвицкой. Позднее, когда занавес окончательно опустился, Вейнберг, крича и кипятясь, стал резко упрекать Мережковскую за эти выходы с лорнетом; при этом он ее передразнивал и копировал ее движения. Она не ответила ему ни единым словом, лишь на щеках у нее проступили белые пятна»²⁴.

Было еще одно место в литературном Петербурге конца 1890-х — начала 1900-х гг., где Гиппиус могла близко наблюдать Вейнберга во всем блеске и обаянии его юмористического дара и где атмосфера стихотворного экспромта культивировалась как программная для поведения всех посетителей²⁵. Это «пятницы» К. Случевского

²² В этом смысле показательна публикация стихотворений З. Гиппиус, осуществленная А.Л. Соболевым (см.: Зинаида Гиппиус. Стихотворения // Русская литература. 1991. № 2. С. 181–186). Составитель осознанно объединил в одной подборке «серьезные» и «несерьезные» жанры ее лирики.

²³ Выразительные примеры обмена экспромтами приведены в кн.: Гиппиус З. Живые лица. С. 169–170. См. также экспромты, приведенные в настоящем издании в текстах писем Гиппиус к Вейнбергу и примечаниях к ним (№№ 4, 12, 15, 20).

²⁴ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов. С. 276.

²⁵ Подробнее об этом см.: Сапожков С. «Пятницы» К. Случевского (По новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 259–262.

(1898–1903). Однако в альбоме «пятниц» мы практически не обнаружим экспромтов Гиппиус. Наоборот, как бы в пику общей «несерьезной» атмосфере пятничных собраний, Гиппиус (как и Мережковский) записывала в альбом пафосные цитаты из своей лирики тех лет, вроде знаменитой сентенции из «Снежных хлопьев»: «Люблю недостижимое, // Чего, быть может, нет...»²⁶. Объясняется это, вероятно, как многолюдством и пестротой состава «пятниц», где было много «чужих», лично неприятных Гиппиус людей, отчего она чувствовала себя не в своей тарелке, так и преднамеренностью экспромтного творчества «пятничников», а то и откровенной художественной низкопробностью их альбомного стихотворства. Не со всяким «экспромтистом» Гиппиус была готова вступать в творческое соревнование. Думается, Вейнберг был именно тем, с кем Гиппиус чувствовала себя органично и с охотой принимала предложенный тон «дружеской болтовни». К сожалению, до нас дошло только одно письмо Вейнберга, но, думается, что сам его стиль, обнаруживающий в авторе подлинного мастера литературного экспромта, дает достаточные представления о том, какой бы мог остаться плод от этого общения в творчестве Гиппиус, если бы в него полноценно включился сам «Гейне из Тамбова». В целом, переписка Гиппиус с Вейнбергом представляет собой благодатный материал для изучения роли смеховой культуры в эстетике и жизнетворчестве «религиозных символистов», использовании ими культурных моделей поведения, восходящих к традиции писателей-«демократов», шестидесятников.

По свидетельству Гиппиус, приятельские отношения с Вейнбергом сохранялись у нее вплоть до отъезда Мережковских за границу в 1906 г.²⁷

В настоящем номере «Литературного факта» публикуется 1 письмо П.И. Вейнберга к З.Н. Гиппиус (РО ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1039) и 41 письмо З.Н. Гиппиус к П.И. Вейнбергу (РО ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11; Разряд III. Оп. 2. Ед. хр. 260).

В комментариях приняты сокращения:

Гиппиус З. Живые лица — *Гиппиус З.* Живые лица / Изд. подгот. А. Николюкин. М.: Олма-Пресс, 2002.

Гиппиус З. Неизвестная проза — *Гиппиус З.* Чего не было и что было: Неизвестная проза 1926–1930 годов / Под ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2002.

²⁶ Альбом «пятниц» К.К. Случевского / Публ. и коммент. С.В. Сапожкова // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 282.

²⁷ *Гиппиус З.* Живые лица. С. 173.

Зобнин Ю. Хроника — *Зобнин Ю.* Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 397–428 («ЖЗЛ»).

Фидлер Ф. — *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое лит. обозрение, 2008.

1. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

5 октября 1893. СПб.

Дорогой Петр Исаевич, посылаю вам повесть¹, о которой говорила. В четверг вечером с вами увидится Дм[итрий] Серг[еевич], может быть, вы ему сообщите ответ. При сем этот литератор предлагает несколько своих стихотворений².

Скоро ли мы увидимся? Я, как слабая женщина, не приглашена к Спасовичу³.

Жму вашу руку.

Зина Мережковская

PS. Если бы возможно было за мою повесть (в случае ее пригодности) получить металл к 15-му Ноября — то это было бы нам очень кстати

S[inaida] H[ippius].

5 Окт[ября]

[18]93.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–2.

¹ Вероятно, имеется в виду очерк З.Н. Гиппиус «Голубое небо». Оpubл.: Всемирная иллюстрация. 1893. № 10–11.

² Возможно, ходатайствуя за своего мужа перед Вейнбергом, Гиппиус имела в виду свои стихотворения. Так, под фамилией «Д. Мережковский» она опубликовала во «Всемирной иллюстрации» стихотворение «Смотрю на море жадными очами...» (впоследствии — под заглавием «Бессилье»). См.: Всемирная иллюстрация. 1894. Т. 51. № 12. С. 187. Под этим же именем она опубликовала стихотворение «Никогда» в «Труде», литературном приложении к журналу «Всемирная иллюстрация». См.: Труд. 1894. № 11. С. 324. См.: *Гехтман М.В.* Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М.: Интелвак, 2007. С. 52–53.

³ Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — известный адвокат; публицист и литературный критик, историк литературы. Речь в письме, скорее всего, идет об очередном заседании Шекспировского кружка — любительского общества, созданного в 1874 г. для изучения и популяризации жизни и творчества Шекспира и просуществовавшего до конца 1890-х гг. Ядро кружка составили деятели из пореформенного поколения юристов: С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, А.Ф. Кони, кн. А. И. Урусов, Е.И. Утин, А.И. Языков. (См.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–

1917 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 263). В.Д. Спасович был одним из самых деятельных участников кружка, на квартире которого нередко устраивались его заседания. Мережковские активно их посещали. В отзыве на книгу очерков М.М. Винавера «Недавнее» (второе издание — Париж, 1926), озаглавленном «Лик человеческий и лик времени» (1926), Гиппиус дополнила портрет Спасовича характерными штрихами: «Грузный, живой, общительный, остроумный и авторитетный — он показан М. Винавером во всем его блеске. Спасовича мне доводилось встречать лишь среди литературы. У него, на Кабинетской, в созданном им “шекспировском кружке”, собирались все видные писатели того времени, да почти и все адвокаты. Там читал свой доклад Урусов о Ницше, — восходящей звезде, — и его “смеющихся львах”. Ранее — Боборыкин об Оскаре Уайльде... Спасович был очень тонкий литературный критик. Говорил на этих вечерах постоянно, и речь его, с заметным польским акцентом и с неожиданными оборотами, придававшими ей силу, неизменно была увлекательна. [...] М.М. Винавер подметил очень важную его черту: свойство охватить предмет сразу, в полноте и цельности, и сразу давать его окончательный отпечаток. [...] Спасович был разносторонен, резко индивидуален и глубок, — но глубиной *своего* времени. [...] Он носил в себе, в своей метафизике, то, что называлось “болезнью века”. Перед ним, как перед многими современниками его, с новой ясностью вставали вопросы, старые решения которых уже не удовлетворяли, а для новых — не исполнились времена». (*Гиппиус* З. Незвестная проза. С. 157–158).

2. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Ранее 27 октября 1893. СПб.¹

Драгоценный Петр Исаевич, знаю, что вы заняты, знаю, что вы в хлопотах, знаю, что устали, — и все-таки умоляю прийти к нам [в] среду (27 Окт[ября]) на Толстого, прийти *вопреки*. Статья эта новая, у нас явилась случайно и на короткий срок. Напечатана она нигде не будет, ибо крайне, крайне... свободная².

Если она вам еще неизвестна (меня уверяют, что она непосредственно от Толстого), то непременно приходите: есть места сильные, да и во всяком случае — вещь замечательная.

Если вы не придете — увидите, как надолго и как сильно я огорчусь и погружусь в такую мрачность, что даже не буду в состоянии идти на обед Григоровича³, а мне очень хочется.

Ваша

Зина Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 42–43.

¹ Датируется по содержанию. См. примеч. 2–3. Соотношение числа, месяца и дня недели также указывает на 1893 г.

² Гиппиус имеет в виду трактат Л.Н. Толстого «Царство Божие внутри нас», длительная работа над которым была завершена в Ясной Поляне 13 мая 1893 г.. (см.: *Горбачев Н.В.* Комментарии // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.:

В 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 28. С. 362). Толстой изначально планировал издать трактат за границей. Первое заграничное издание вышло на французском языке в Париже в октябре 1893 г. Чуть позднее появились итальянское, немецкое и английское издания (Там же. С. 366–368). Однако еще до первых заграничных публикаций трактат широко распространялся в рукописи и обсуждался в кружках русской интеллигенции. Вероятно, упомянутое в письме чтение происходило незадолго до парижского издания трактата (или в одно время с ним), в октябре 1893 г.

³ Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) — прозаик, мемуарист. Имеется в виду обед, устроенный Григоровичем 27 октября 1893 г. по случаю 50-летнего юбилея своей литературной деятельности. В частности, известно приветственное письмо Л.Н. Толстого юбиляру по этому поводу (см.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 52. С. 292. Комментар. А.С. Петровского). Как раз на это число («27 октября», «среда») Гиппиус и приглашает Вейнберга на чтение «крайне ...смелой» статьи Л.Н. Толстого, после чего они вместе и собираются посетить юбилейное мероприятие.

3. 3. Гиппиус — П. Вейнбергу

18 января 1894. СПб.¹

18 янв.

О, Петр Исаевич!

В знак вашего *прежнего* (!) ко мне расположения (давно, увы, позабыли вы обо мне) очень прошу вас, нельзя ли как-нибудь добыть два билета на ваше Дворянское Гнездо в бенефис Савиной?² Страшно хочется пойти, а знаю, что без вашей протекции все равно не попадешь. Пожалуйста, дорогой Петр Исаевич! Я же всегда ваша Зинаида.

Слышала, что вы были больны, и хотела писать вам сочувственное письмо в стихах — но вы успели выздороветь раньше, чем я придумала все рифмы.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 59.

¹ Год устанавливается по содержанию. См. примеч. 2.

² «Дворянское гнездо» — драма в четырех действиях П.И. Вейнберга по одноименному роману И.С. Тургенева. Премьера состоялась 27 января 1894 г. в бенефис М.Г. Савиной на сцене Императорского Александринского театра. Савина исполняла роль Лизы (см.: *Шнейдерман И.* Мария Гавриловна Савина. 1854–1915. Л.; М.: Искусство, 1956. С. 372). Бенефис был приурочен к 20-летию работы Савиной на Императорской сцене; репетиции спектакля проходили в нервной обстановке, сценическая трактовка образа Лизы была признана большинством рецензентов малоудачной (см.: Там же. С. 174–176). Как отнеслась З. Гиппиус к исполнению Савиной роли Лизы — неизвестно. В своих позднейших воспоминаниях, в целом тепло отзываясь о личности и актерском даровании актрисы, она обошла молчанием эту постановку. (См.: *Гиппиус З.* Встречи с М.Г. Савиной // *Возрождение.* Париж, 1950. № 7. С. 97–100; перепечатано: *Театральная жизнь.* 1990. № 19. С. 18–19.)

4. З. Гиппиус — П. Вейнберг 17 февраля 1895. СПб.

17 Февраля 95 г.

Вечером

Дорогой Петр Исаевич, простите великодушно, я вас так часто беспокою! Но есть важные соображения, которые мы (Зинаида Афанасьевна Венгерова¹ и я) непременно должны высказать вам лично. Мы искали вас сегодня в Неофилологическом² (З[инаида] А[фанасьевна] клятвенно уверила меня, что вы не можете там не быть) — однако вы предпочли Соляной Городок!³

Очень прошу вас, укажите день и минуту, когда мы можем прийти к вам. Я решительно не хочу, чтобы вы опять, из-за моей дамской неосновательности, беспокоились и терпели мою злую лестницу⁴. Тем менее хочет вас тревожить Зинаида Афанасьевна, ибо ее лестница еще жесточе — да и вообще жилище ее не для визитов.

Будьте же обольстительны, о, единственный из немногих, Петр Исаевич моего сердца! Назначьте мгновенье и день. З[инаиду] А[фанасьев]ну я извещу немедленно.

Посланная ждет ответа

Ваша

Зин. Мережковская-Гиппиус.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2–3.

¹ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941) — критик, переводчик, историк литературы; близкий друг П.И. Вейнберга. См. ее статью о нем: *Венгерова* З. П.И. Вейнберг (к 50-летию его литературной деятельности) // *Образование*. 1901. № 12. С. 93–101.

² Неофилологическое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете — авторитетное научное собрание ученых-филологов, в основном, из числа представителей Отделения романо-германской филологии, историков западноевропейской литературы и переводчиков. Среди них — А.Н. Веселовский, Ф.Д. Батюшков, Ф.А. Браун, С.А. Венгеров, З.А. Венгерова, П.И. Вейнберг, Я.К. Грот, А.И. Кирпичников, Л.Н. Майков, П.О. Морозов, Д.С. Мережковский, Н.И. Стороженко, А.И. Урусов и др. Образовано в 1889 г. из Отделения романо-германской филологии Филологического общества Петербургского университета. Общество публиковало «Записки», содержащие реферативное, как правило, изложение основных тезисов прослушанных докладов и прений участников заседаний. П.И. Вейнберг часто выступал с докладами на собраниях общества (см.: *Записки Нео-филологического общества*. Вып. III. № 1. СПб., 1894. С. 22–23; 30–31; 45 и др.). Протоколы заседаний за 1895 г. в «Записках» не отражены.

³ Речь идет о двух публичных лекциях Вейнберга о «Гамлете», которые он прочел в Педагогическом музее Соляного городка (комплекс исторических зданий в центре Петербурга; квартал, сформированный набережной Фонтанки, Соляным переулком, а также улицами Гангутской и Пантелеймо-

новской; ныне — улица Пестеля). Первая лекция состоялась 17 февраля 1895 г. «Новое время» в хронике поместило ее программу: «Шекспир как автор психологических драм. — Роль человека в драматическом творчестве Шекспира. — Трагическое в изображении человека. — Место, занимаемое “Гамлетом” в ряду психологических драм. — Литература “Гамлета”, английская и иностранная. — Воззрения главнейших европейских критиков на эту трагедию. — Особенности ее исполнения знаменитыми актерами». (Новое время. 1895, 17 февраля. С. 3.)

⁴ Гиппиус привела в мемуарах экспромт Вейнберга, сочиненный по этому поводу:

Хоть у вас седьмой этаж,
Но любовь моя все та ж,
Как была бы, если б вы
Жили ниже дна Невы.
Справьтесь в сердце вы любом,
Чувства нет нигде такого,
Как в дарящем сей альбом
Старом

Гейне из Тамбова.

(Гиппиус З. Живые лица. С. 170)

5. 3. Гиппиус — П. Вейнбергу

*Первая половина 20-х чисел ноября 1895. СПб.*¹

Дорогой Петр Исаевич, в первых строках сего письма изьявляю радость, что вы поправились. Засим извещая, что к величайшему моему сожалению, на нынешней неделе мы никак не можем явиться к вам. Очень желали бы прийти *на будущей в среду*, если только это вас конвинурует². Известите, ежели нет, тогда можно избрать заблаговременно другой вечер. — Относительно моего чтения — благодарю за честь и соглашаюсь с удовольствием. У меня есть два ненапечатанных стихотворения, я вам их предложу в среду, если же вы мне их читать не посоветуете — то придется вы брать из напечатанных. Только не прозу! Скука. В среду не поздно? Жду извещения.

Ваша Зин. Мережковская

А каков будет вечер?³ Исключительно «женский»?⁴

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 48.

¹ Датируется по содержанию. См. примеч. 4.

² Галлицизм: устраивает. От фр. *convenir*.

³ Речь идет о литературном вечере в пользу Общества нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), который был назначен на 4 декабря, но, как сообщалось в хронике «Нового времени», «вследствие болезни нескольких участвующих, отложен до конца декабря» (Новое время. 1895, 1 дек. С. 4). Вечер состоялся 30 декабря в зале городского Кредитного общества. (Новое время. 1895, 30 дек. С. 1).

⁴ Содержание этого письма корреспондирует с пп. № 6, 7 от второй половины 20-х чисел ноября 1895 г. Ср.: «Вы видели, я сразу согласилась, так же, как и в прошлом году. Я думала, что этот вечер будет вроде милого и простого прошлогоднего вечера, без чуждых элементов» (№ 7). Таким образом, Гиппиус изначально предполагала, что литературные чтения, на которые ее приглашал Вейнберг, будут носить камерный характер и потому дала согласие выступить. Однако последующие письма Гиппиус свидетельствуют о том, что она, получив более подробные разъяснения Вейнберга относительно формата предстоящего мероприятия, поняла, что ошиблась в своих ожиданиях, и спешно взяла назад свое согласие. Если наша реконструкция верна, то на ее основании возможно приобщить данное письмо Гиппиус к двум последующим письмам к Вейнбергу, где обсуждаются проблемы, связанные с возможностью ее участия в предстоящем вечере, и гипотетически датировать его первой половиной 20-х чисел ноября.

6. 3. Гиппиус — П. Вейнбергу

26 ноября 1895. СПб.

Воскр[есенье]
26 Ноября¹

Дорогой Петр Исаевич, я просмотрела все мои стихотворения и убедилась, что ни одно из них не годится для чтения. То же самое говорит и Дмитрий Сергеевич, с которым я советовалась. Читать прозу для меня совершенно невозможно, ибо, во-первых, и отрывков у меня таких нет, а во-вторых — хронический катар горла не позволяет мне читать что-либо, кроме стихов.

Меня утешает мысль, что я моим отказом ничему не врежу, никого ничего не лишаю. В самом деле, нас, писательниц, была бы слишком большая толпа, что затруднило бы и вас, и публику. Литературное имя у меня крошечное, читаю я очень посредственно, так что Вы с полной справедливостью должны воскликнуть: кума с возу — куму легче! У Вас остаются и Шапир², и Чумина³, и Виницкая⁴, которые все известны более меня, а что касается сбора — то та же Яворская⁵, которую Вы пригласили, даст Вам его больше, чем десять таких, как я. Признаюсь, упорство Екатерины Павловны⁶ подействовало на меня; она, пожалуй, права.

Мое женское сердце немного скорбит о заказанном платье, но благоразумие берет верх и не оставляет места даже для колебаний.

Не сердитесь, дорогой Петр Исаевич. Лучше мы с Вами, если Вы еще захотите меня, где-нибудь и когда-нибудь в другой раз прочитаем, в менее обширном обществе. А в том месте афиши, где стою я — поставьте опять Яворскую: она наверно согласится, и это будет гораздо интереснее.

Еще раз — простите, дорогой друг. Решение мое, я думаю, для Вас не неожиданно. Супруг мой по-прежнему к Вашим услугам⁷.

З. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 25–26.

¹ Год устанавливается по совокупности указанных фактических данных: числа, месяца и дня недели.

² Шапир Ольга Андреевна (1850–1916) — прозаик, поэтесса. Вспоминая о своем участии в публичных чтениях Литературного фонда, Гиппиус весьма иронически отзывается о Шапир. Так, готовясь к выходу на сцену, она замечает: «Времени много, потому что читает Ольга Шапир — “О любви”, Вейнберг только что заглядывал в залу и объявил:

— Все пока прекрасно. Спит только один. Она еще не дошла до середины» (*Гиппиус* 3. Живые лица. С. 169).

³ Чюмина Ольга Николаевна (1864–1909) — поэтесса, переводчица, непременная участница чтений, проводимых Литературным Фондом. См. ее переписку с Е.П. Летковой-Султановой (РГАЛИ.Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 316).

⁴ Виницкая Александра Александровна (настоящая фамилия — Будзианик; 184–1914) — прозаик, мемуарист.

⁵ Яворская Лидия Борисовна (урожденная Гюббенет, по первому браку — Борисова, по второму — княгиня Барятинская, по третьему — Полок; 1871–1921) — драматическая актриса. Выступала в московском театре Ф.А. Корша. По рекомендации А.П. Чехова в 1895 г. приглашена А.С. Сувориным в петербургский Театр Литературно-артистического кружка. В 1896 г. выходит замуж за князя В.В. Барятинского и в 1903 г. вместе с ним открывает Новый театр, известный как Театр Яворской. Гиппиус весьма саркастически относилась к актерскому дарованию Яворской, считая ее посредственной актрисой и пустой, тщеславной женщиной, склонной к скандальной саморекламе: «Яворская, думающая про себя “Я — style moderne!”» (*Гиппиус* 3. Дневники: В 2 т. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1999. Т. 1. С. 286).

⁶ Леткова Екатерина Павловна (в замужестве — Султанова; 1856–1937) — прозаик, переводчица. Активно участвовала в деятельности Литературного фонда. Главный организатор литературных чтений, что отражается в ее переписке с Вейнбергом. См.: РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 96.

⁷ Из объявления в «Новом времени» следует, что на этом литературном вечере предполагалось участие: К.С. Баранцевича, В.Л. Величко, П.П. Гнедича, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Д.С. Мережковского, Н.М. Минского, И.Н. Потапенко и «нескольких известных декламаторов, которые прочтут отрывки из классических произведений» (Новое время. 1895, 30 декабря. С. 1). Таким образом, после всех переговоров, вечер по составу участников был спланирован как исключительно «мужской».

7. 3. Гиппиус — П. Вейнбергу

Вторая половина 20-х чисел ноября 1895. СПб.¹

Дорогой Петр Исаевич,
я Вам скажу прямо, просто, короткими словами, от всей души — почему я не хочу и не могу читать — и я уверена, что Вы меня поймете, если в Вас действительно есть непосредственное и тонкое доброжелательство ко мне. Я буду говорить, не щадя себя и не скрывая своих слабостей, которых не умею победить.

Причины моего отказа таковы. Их две, обе одинаково важны (только уж верьте мне безусловно). Первая — мое женское самолюбие. Я не могу выйти на эстраду с Яворской, которая и прочтет лучше меня, и красивее меня, и будет иметь настоящий успех, какого мы, литераторы, никогда не видим и который всегда наши скромные дебюты делает особенно жалкими и ненужными — рядом. Уверяю Вас, я не страдаю самообожанием, менее всего, — но идти сознательно на чуть-чуть смешную, чуть-чуть неприятную роль — я не в силах. У меня есть серьезные друзья — и серьезные враги. И этим врагам я не хочу дать повода для лишней улыбки — и предпочитаю скромно ретироваться, уступая добровольно всем все публичные успехи и неуспехи. Теперь *вторая* причина, связанная с первой, и не менее, если не более ее важная. Яворская — это значит Сигма и Буренин². Если бы видели их в театре, вы поняли бы, до какой степени эта троица (и еще Куперник, «женский муж»³) — неразлучны. Было бы странно, если бы артистическая комната обошлась в этот вечер без Буренина и Сигмы. Сигма — мой личный враг⁴, кроме всего другого. И я, право, не могу минуты тратить на опасения, на мелкий страх видеть себя на другой день в «Новом Времени» в комическом или пасквильном виде. М.б., это и не случится — но один страх унижителен. Дм[итрий] Серг[еевич] уже испытал на себе удобство и прелесть встреч с Сигмой, особенно столь тесных⁵. Я никогда не ломаюсь, Петр Исаевич. Вы видели, я сразу согласилась, так же, как и в прошлом году. Я думала, что этот вечер будет вроде милого и простого прошлогоднего вечера⁶, без чуждых элементов. А эта компания мне просто не по душе. (Скажите, отчего не читает *настоящая* писательница — Марья Всеволодовна⁷ Ведь, действительно, Щепкина и Чумина сомнительные писатели...). Таким образом, — вот две неодолимые причины: женское и литераторское самолюбие — и чувство страха... отнюдь не из-за каких-либо политических убеждений, а просто внешнее чувство — ужаса и самосохранения. Без малейших задних мыслей, без тени «gancine»⁸, говорю Вам, что я истинно не сознаю себя нужной, Яворская для публики очень интересна, сделает вам хороший сбор, а я принесу Фонду неизмеримо больше пользы, если просто возьму два билета 1-го ряда, о чем и прошу Вас заранее. Милый знаток женского сердца — и опытный человек во всех литературных горях! Поймите душой, простите, не осуждайте Вашу
Зин. Гиппиус

[на верхнем поле первого листа:]

Боюсь, что Дм[итрий] Серг[еевич] тоже будет умолять Вас отпустить его... Он что-то расхварывается⁹.

¹ Датируется по тесной связи с содержанием двух предыдущих писем (№№ 5–6).

² Сигма — псевдоним Сергея Николаевича Сыромятникова (1864–1934), прозаик и публицист, постоянного сотрудника газеты «Новое время». Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — ведущий литературный критик «Нового времени», поэт, фельетонист, сатирик, пользовавшийся скандальной репутацией.

³ Имеется в виду Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) — поэтесса, переводчица, мемуаристка, правнучка знаменитого актера М.С. Щепкина. Подруга Л.Б. Яворской, находившаяся с ней в весьма двусмысленных отношениях, на что, вероятно, и намекает саркастическая формула Гиппиус — «женский муж».

⁴ Вероятно, Гиппиус напоминает Вейнбергу о той грубой и злопахательской критике, которой подвергалась на страницах «Нового времени» новая редакция «Северного вестника» во главе с А. Волынским в статьях Сигмы и Буренина. См., например: *Сигма*. Обо всём // Новое время. 1895, 8 октября. С. 2; *Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1896, 9 февраля. С. 3. В последней статье, подхватывая и развивая известное сравнение новой редакции «Северного вестника» с палатой умалишенных, принадлежащее Б. Глинскому, Буренин язвительно заключает: «И сколько теперь у нас литературных маньяков, подходящих [...] к типу г. Волынского, Мережковского, г-ж Гуревич и Гиппиус. Пишут эти господа и госпожи, пишут, обнаруживают в своих писаниях кто наглость, кто ограниченность, кто невежественность, кто истеричность и чепуху, а литература-то наша все процветает, все улучшается, в литературе все прибывает философской глубины мысли и новой красоты! Весело за нашу литературу, радостно!»

⁵ Личных выпадов против Мережковского в нововременских статьях Сигмы конца 1895 — начала 1896 г. обнаружить не удалось. Вероятно, Гиппиус имеет в виду какой-то инцидент, случившийся во время их личного общения. В целом же поэзия и личность Мережковского в «Новом времени» оценивались резко отрицательно. Вот, например, выдержки из рецензии на «Новые стихотворения» Мережковского (СПб., 1896), принадлежащей перу Ф. Ш[перка]. Рецензент называет их «имитациями» и резюмирует: «Что-то неподлинное есть в них». Рассуждая о «живой двойственности» внутреннего мира лирического «я» Мережковского («что радость и печаль, и жизнь и смерть — одно и то же»), Шперк отказывает ей в «жизненной подлинности чувства». «Душа его слаба и разъедена рефлексией. И поэзия его представляется нам искусственным и вымученным творчеством» (Новое время. 1896, 18 февраля. С. 4).

⁶ О каком литературном вечере 1894 г. идет речь — установить не удалось.

⁷ Мария Всеволодовна Крестовская (в замужестве — Картавцева; 1862–1910) — прозаик. Дочь писателя В.В. Крестовского. В романах и повестях «Ранние грозы» (1886), «Ревность» (1892), «Сын» (1893), «Артистка» (1896) и др. отразилась волнованная Крестовскую феминистская проблематика, стремление женщины найти свое место в жизни.

⁸ Злопамятства, злобы (фр.)

⁹ Мережковский все же принял участие в литературном вечере. См. примеч. 7 к п. № 6.

8. З. Гиппиус — П. Вейнбергу *[Не позднее конца марта 1896. СПб.]¹*

Посылаю вам, дорогой Петр Исаевич, мою Чехову². Приютите ее, если окажется возможным.

Всегда ваша
Зин. Мереж[ковская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 45. На визитной карточке «Зинаида Николаевна Мережковская-Гиппиус».

¹ Датируется по содержанию. См. примеч. 2.

² Гиппиус называет имя переводчицы Людмилы Александровны Чеховой, ее протеже. См. примеч. 4 к п. № 9. Записка, скорее всего, написана в Петербурге, до отъезда Мережковских в Италию в конце марта 1896 г. (см.: *Зобнин Ю.* Хроника. С. 402); в таком случае записку можно условно датировать не позднее конца марта 1896 г.

9. З. Гиппиус — П. Вейнбергу *10 апреля 1896. Флоренция*

10/21 Апреля, 96 г.

Флоренция, Hôtel Milan

Дорогой Петр Исаевич! Все покинули нас на чужбине¹, никто не пишет мне, даже ветреный Андреевский², и я совершенно не знаю, что делается в Петербурге и как поживаете вы, мой единственно-верный и неизменный дружественный человек.

Как идет «Иллюстрация»?³ Супруг все собирается что-то писать, да мы столько ходим по музеям, устаем — и времени не замечаем. Кстати: я вам перед отъездом дала перевод, небольшую вещицу с итальянского; перевод я сама редактировала и ручаюсь за него. Переводчица, Людм[ила] Александр[овна] Чехова (ваша ученица)⁴, ужасно желала бы знать, может ли это быть напечатано во «Вс[емирной] Ил[люстрации]» — или нет? Вы, верно, уже просмотрели тетрадку. По-моему — рассказ милый. Живет Чехова в нашей квартире (Литейн[ый] 24, 26), но она может и зайти к вам с моей карточкой, я ей напишу.

Ездили ли вы «на гастроли»?⁵ Хорошо ли было? Мы возвращаемся скорее, чем думали, ибо «в дороге слегка поиздержались»⁶. Что это опять с баронессой?⁷ Не могу поверить, чтобы она подурнела.

Когда будете чувствовать себя особенно хорошо, когда вспомните ту, которой столько раз обещали дать «все земное»⁸, — черкните ей одну единственную строчку (буквально одну) в город Милан, *poste restante*.

Ваша душой
Зина Мережковская.

От супруга всяческие приветы.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 4–5.

¹ В апреле–мае 1896 г. Мережковские в сопровождении А.Л. Волынского совершали путешествие по городам Италии, посещая места, связанные с жизнью и творчеством Леонардо да Винчи. Воспоминания об этом путешествии Гиппиус оставила в своих поздних мемуарах. См.: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 70–72. Во Флоренции Волынский оставил Мережковских и вернулся в Россию.

² Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1918) — поэт, литературный критик, мемуарист. Ему посвящен поздний очерк Гиппиус «Все непонятно (О Сергее Аркадьевиче Андреевском)» (1926). См.: *Гиппиус З.* Неизвестная проза. С. 118–134.

³ Имеется в виду еженедельный иллюстрированный журнал «Всемирная иллюстрация», один из самых популярных среди столичных еженедельников. Издавался с 1869 по 1898 г. в книгоиздательстве Германа Гоппе общим тиражом до 10 тыс. экземпляров. П.И. Вейнберг время от времени публиковал на его страницах свои оригинальные стихи и переводы.

⁴ Установить автора и название переведенного Л. Чеховой рассказа не представляется возможным. Большинство переводов публиковалось во «Всемирной иллюстрации» без указания имени переводчика (исключение делалось только для «маститых» литераторов, к числу которых Чехова явно не принадлежала). За 1896 г. в журнале были помещены два рассказа, перевод которых сопровождался пометой «с итальянского»: 1) Тетя Северина. Рассказ Нэры // *Всемирная иллюстрация*. 1896. № 1416. С. 309–313. В конце текста стоит подпись «О.Р.» 2) Годар де Винчи. Хильда // *Всемирная иллюстрация*. 1896. №№ 1435–1437.

⁵ Имеются в виду публичные лекции П.И. Вейнберга по истории западноевропейских литератур, с которыми его, как приват-доцента Санкт-Петербургского университета, ежегодно приглашали к себе различные университеты России. Характеристику Вейнберга-лектора см. в статье: *Венгерова З.А.* П.И. Вейнберг (к 50-летию его литературной деятельности) // *Образование*. 1901. № 12. С. 96.

⁶ Неоднократно повторяющиеся слова Хлестакова из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Ср.: «Я, знаете, в дороге издержался: то да се...» (д. IV, явл. III); «Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался» (д. IV, явл. IV); «Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался» (д. IV, явл. V) и т.д.

⁷ Речь идет о петербургском салоне Варвары Ивановны Иксуль фон Гильдебрандт (Гильденбандт, Гилленбанд) (1850 (по другим источникам — 1852) — 1928), прозаика, издательницы, много занимавшейся благотворительной деятельностью. Здесь и далее — «баронесса». В середине 1880-х открыла в своем петербургском доме (сначала на Екатерининском канале, у Аларчина моста, а потом на Кировной улице) литературно-общественный салон, просуществовавший с перерывами почти тридцать лет, вплоть до октября 1917 г. Салон посещала едва ли не вся литературная элита Петербурга 1890-х гг., в том числе Н.К. Михайловский, Вл. Соловьев, Н.М. Минский, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, К.М. Фофанов, К.К. Случевский, кн. А.И. Урусов, М.В. Несетеров, И.Е. Репин (написавший портрет баронессы) и мн. др. Здесь встречались люди самых разных положений, взглядов и занятий, помимо художест-

венной интеллигенции — врачи, юристы, генералы, министры, в том числе И.Л. Горемыкин и П.Н. Дурново (подробнее см.: *Бокова В.* Баронесса Икскуль // *Лица. Биографический альманах.* М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. Вып. 4. С. 98–99). Характеристику салона дает П.П. Перцов в «Воспоминаниях»: «Я застал баронессу в полном расцвете ее редкой красоты. Хотя ей было уже около сорока лет и у нее были взрослые дети [...], она была еще совсем молода и, стоя рядом со своей двадцатилетней дочерью, казалось моложе ее. [...] К красоте присоединялись столь же редкий ум и широкое развитие, увлекавшее Варвару Ивановну к самым разнообразным сторонам культурной жизни». (*Перцов П.П.* Литературные воспоминания: 1890–1902 / Изд. подгот. А.В. Лавров. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 78.) На Гиппиус, бывшей частой гостьей салона, личность Икскуль производила, скорее, отталкивающее впечатление. См. характеристику в письме к Минскому от 6 декабря [1892]: «...баронесса — делец, совершенно неинтересная личность» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 2056. Л. 172). Впрочем, позднее, в книге воспоминаний «Живые лица», Гиппиус с исторической дистанции смогла дать ей более объективную и взвешенную оценку: «В этой прелестной светской женщине кипела особая сила жизни, деятельная и пытливая. Все, что так или иначе выделялось, всплывало на поверхность общего, — мгновенно заинтересовывало ее, будь то явление или человек. Не успокоится, пока не увидит собственными глазами, не прикоснется, как-то по-своему не разберется. [...] Она обладала исключительной уравновешенностью и громадным запасом здравого смысла. Всех “пытала”, и ко всем, в сущности, оставалась равна. Но чужье к значительности — даже не человека, а его успеха — было у нее изумительное» (*Гиппиус З.* Живые лица. С. 70–71).

⁸ Слова Демона из одноименной поэмы М.Ю. Лермонтова, обращенные к Тамаре: «Я опущусь на дно морское, // Я полечу за облака, // Я дам тебе все, все земное — // Люби меня!..» (Ч. II, гл. X).

10. З. Гиппиус — П. Вейнбергу 9 сентября 1897. СПб.

9 Сентября¹

Дорогой Петр Исаевич, что же? Когда же исполнение обещания? У нас прелестно, погода чудная, посетите наше полное одиночество! Мы теперь в Шевине² вдвоем. Я прилетела на один день³ — Д[митрий] С[ерегеевич] по горло в Леонардо⁴ — и завтра опять на лоно природы. Ждем вас, милый Петр Исаевич!

З. Мережковская

[конверт:]

Его Превосходительству Петру Исаевичу Вейнбергу

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 32.

¹ Год устанавливается по содержанию. См. примеч. 2–3.

² Имеется в виду имение Борисовской в 16 верстах от станции Преображенская Варшавской железной дороги, где Мережковские отдыхали в июне–сентябре 1897 г.

³ По контексту письма — в Петербург.

⁴ Именно в Шевине в 1897 г. Мережковский интенсивно работал над романом «Леонардо да Винчи».

11. З. Гиппиус — П. Вейнбергу *Первая половина декабря 1897. СПб.¹*

Дорогой Петр Исаевич!

Простили ли вы меня?² Заступилась ли за меня Мария Всеволодовна, как обещала? Прежнее ли чувство у вас ко мне, или... все рухнуло навеки? А я чуть за это время к праотцам не отправились, да и теперь еще гляжу в ту сторону³. Примите мою книгу⁴, священный дар дружбы. Позволяю вам ее не читать, я знаю, что вам некогда. А, может быть, кое-что и прочтете, стихи, например.

Забудьте же мои прегрешения, дорогой Петр Исаевич.

«Будь со мною, как прежде бывал,
О, утешь меня словом одним...»⁵

Как дальше — не помню, но тут все ясно.

Желаю вам встретить Новый Год более веселым и здоровым, чем ваша покорная слуга. Не сердитесь же!

Зина Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 60.

¹ Датируется по содержанию. См. примеч. 4.

² Какой инцидент имеется в виду — установить не удалось.

³ Очередной острый приступ плеврита.

⁴ Речь идет о книге: Зеркала. Вторая книга рассказов. СПб., 1898. В этом сборнике есть и стихи. «Зеркала» вышли в ноябре 1897 г. 27 декабря Гиппиус участвовала в литературном вечере, посвященном памяти Н.А. Некрасова и И.С. Тургенева (см. вступит. статью). Поскольку данный вечер в письме не упоминается, то письмо можно датировать: первой половиной декабря 1897 г.

⁵ Перифраз строк стихотворения М.Ю. Лермонтова «Будь со мной, как прежде бывала...».

12. З. Гиппиус — П. Вейнбергу *Не позднее марта 1898. СПб.¹*

Четверг

Петр Исаевич! Отравление мое прошло, я здорова по всей возможности моей — и буду ликовать, если вы нас позовете завтра обедать. Только вы все-таки дайте нам знать, быть сему или не быть, ибо вдруг вам станет неудобно, а мы явимся. Жду известий с открытым сердцем и —

Провались все Таормины!²
Плачет сердце нежной Зины!

Ей не будет там добра —
Нет там Вейнберга Петра!³

[Подпись]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 31.

¹ Датируется по содержанию. См. примеч. 3.

² Речь идет о предстоящем путешествии на Сицилию, где Мережковские планировали проживать в курортном городке Таормина, на вилле супругов Рейф.

³ Финальную строчку этого экспромта Гиппиус цитирует в следующем письме к Вейнбергу от 12 июня 1898 г. (№ 13). Экспромт, как и записка Гиппиус, написаны в Петербурге, перед самым отъездом Мережковских на Сицилию в марте 1898 г. (*Зобнин Ю.* Хроника С. 403) и на этом основании условно датируются не позднее марта 1898 г. Вероятно, является ответом на экспромт, написанный Вейнбергом по случаю отъезда Мережковских в Таормину — «Экспромт взволнованной души»:

В Таормину, в Таормину
Провожают дивно-Зину
Все ее друзья.
Провожают в горьком плаче,
Но меж ними наипаче
Горько плачу я. [...]

К Таормине, к Таормине
Будем мы в тоске-кручине
Обращая взгляд,
Воскликать: загладь обиду,
Зинаиду, Зинаиду
Возврати назад!

Петр.

(*Фидлер Ф.* С. 269)

13. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

12 июня 1898. Вена

Goldene Ente¹
(ваша)
12 Июня, 1898
Суббота

Ветреный и легкомысленный, но все-таки милый Петр Исаевич!

Прослышана я, что вы ждали от меня письма; я виновата, создаюсь, — но желание написать вечно было, только в последнюю минуту охватывало отчаяние, ведь я знаю по опыту, что вы все приемлете все письма — и никогда на них ответа не шлете. Да и это, в сущности, меня бы не остановило, но вы знаете, какие с нами случались перетурбации [так!], я была больна, в каждом городе мы

сидели, как в плену, и дамы различных национальностей ухаживали за мною, причем Дмитрий Сергеевич в них влюблялся, но безнадежно. Последняя добрая душа, принявшая во мне участие, кутавшая меня в пледы и т.д., — была итальянка, статная пьемонтская, с лицом не то очень некрасивым, не то чрезвычайно привлекательным. Последнее, впрочем, утверждает супруг. Скажите ему при встрече одно слово: «Матильда», — и вы увидите, что с ним делается. «*Charme*»² удесятерен еще тем обстоятельством, что Матильда живет в Винчи, в деревушке, где родился Леонардо да Винчи³, — она *belle-soeur*⁴ тамошнего синдика.

Недаром писала я, что в Таормине мне не будет добра без Вейнберга Петра⁵. Так оно и вышло! Там чуть-чуть мне не отрезали необходимейшего украшения — верхней губы. И спасло ее лишь присутствие духа моего супруга⁶. Во всех других отношениях Таормина место прекрасное, разве ветренное. В Сицилию очень бы хорошо вернуться, только не в Таормину, которою мы сыты, а в Палермо, где гораздо более похоже на юг.

Как-то вы поживаете, дорогой и драгоценный Петр Исаевич? Где будете летом? Мы сидим в Вене, в горьком положении, и ждем денег, которые моя мама должна была выслать давно и которые еще не пришли. Адская жара. Россия так близко, что чувствую уже ее запах. В четверг или в пятницу будем в Петербурге, на один день. Зашли бы вас повидать с удовольствием, но неизвестно, где вы, и помешать вам легко. Остановимся, за неимением собственной, на маминной квартире (В[асильевский] О[стров] 4 л[иния]. д. 45, кв. 38), а затем едем в Елизаветино (Балт[ийская] ж[елезная] дор[ога] им[ение] Трубецкой)⁷, где я и буду стряпать усиленно свои повести⁸. Надо надеяться, что больше не заболею, уж слишком это скучно и невыгодно.

Написала вам бесконечно длинное письмо, Петр Исаевич, и так разошлась, что не могу кончить. За все это время мы не видали никаких газет и только смутно слышали, будто Гладстон⁹ умер. Еще говорят, что в Италии была революция¹⁰. Мы ее целыми днями ходили искать по всем городам, но нигде не могли найти. Как грустно возвращаться в Россию! Одно утешение — петербургские друзья, которые у меня, могу похвастаться, и верные, и милые. Из них же первый есть вы. До свиданья, друг, надеюсь, до скорого. Напомните меня [так!] Батюшкову¹¹ и Андреевскому, давно им не писала. Супруг вам шлет нежнейший привет.

3. Мережков[ская]

[по верхнему полю первого листа:]

Я слышала, что вы написали стих: «о нет, вы женщина, о да, вы не мужчина!»¹² Очень верно и зло. А я-то, бедная, еще сомневалась!¹³

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 6–7.

¹ Золотая утка (нем.).

² Шарм (фр.).

³ В селении Винчи Мережковские побывали еще во время своего итальянского турне 1896 г. По данным Ю. Зобнина, это произошло 5 апреля (*Зобнин Ю.* Хроника. С. 402). Впечатления от поездки нашли отражение в очерке Д.С. Мережковского «Селение Винчи» (*Cosmopolis*. 1897. Т. V. № 2. С. 94–106). В нем есть описание безымянной девушки, чей облик запомнился путешественникам. Возможно, именно на эту девушку иронически намекает Гиппиус, именуя ее, скорее всего, условным именем «Матильда». «Молодой флорентийский нотариус» здесь — синьор Мартелли, сопровождавший Мережковских в Винчи.

⁴ Свояченица (фр.).

⁵ Строка из стихотворного экспромта Гиппиус. См. п. № 12.

⁶ Данное обстоятельство подтверждается и в письме С.А. Андреевского к В.Д. Комаровой от 1 мая 1898 г. (РГАЛИ. Ф. 238. Оп.1. Ед. хр. 78. Л. 1.)

⁷ Имеется в виду предстоящий отдых на даче «Аврора» в имении Дылица под Петербургом, близ станции Елизаветино Балтийской железной дороги. Впечатления об этом отдыхе найдут отражение в «Contes d'amour». См.: *Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. М.: Интелвак, 1999. Т. 1. С. 59.

⁸ Речь идет о повестях, впоследствии вошедших в «Третью книгу рассказов» (1902): «Кабан», «Комета», «Слишком ранние», «Святая плоть». Какие из них будут написаны летом 1898 г. в Елизаветино, установить не удалось.

⁹ Уильям Юарт Гладстон (William Ewart Gladstone; 1809–1898) — английский государственный деятель и писатель, четырежды за свою политическую карьеру занимавший пост премьер-министра Великобритании. Умер 19 мая 1898 г.

¹⁰ Вероятно, Гиппиус имеет в виду народные волнения апреля–мая 1898 г. Начавшись в Сицилии, они постепенно охватили всю Италию, достигнув кульминации в Милане 6–9 мая. Миланское восстание рабочих и городской бедноты было жестоко подавлено кабинетом Луиджи Пеллу, исполнявшим в то время должность министра внутренних дел.

¹¹ Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920) — филолог и педагог. Специалист по литературе романо-германского средневековья и истории западноевропейских литератур, ближайший ученик А.Н. Веселовского. Коллега П.И. Вейнберга по кафедре всеобщей литературы Санкт-Петербургского университета; их связывали тесные узы делового и творческого сотрудничества. К 50-летию литературной деятельности Вейнберга Батюшков написал очерк о нем (см.: *Мир Божий*. 1901. № 12. Отдел II. С. 13–20). Д.С. Мережковский еще студентом познакомился с Батюшковым, когда тот читал курс по истории романо-германских литератур. С тех пор они часто встречались на заседаниях Неофилологического общества. В 1897–1898 гг. Батюшков привлек Мережковских к сотрудничеству в русской версии международного журнала «*Cosmopolis*», которую он редактировал (см. недатированное письмо Гиппиус к Батюшкову // РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 10. Л. 1), вероятно, по этой причине Гиппиус и просит Вейнберга в этом письме «напомнить ее» Батюшкову. В послании «П.И. Вейнбергу» от 25 июля [18]98 г. Гиппиус, в связи с прекращением издания, еще раз проявила интерес к этой теме: «Космополис, как слышно, опочил; // В подробностях не знаете ли дела?..» (*Гиппиус З.* Стихотворения.

СПб.: Академический проект, 1999. С. 290). Наконец, важной сферой общего сотрудничества будет участие Мережковского в работе Театрально-литературного комитета при Дирекции Императорских театров, членом которого он стал в 1900 г. по рекомендации Батюшкова (см.: письма Д. Мережковского к Ф. Батюшкову // ИРЛИ. Ед. хр. 15166).

¹² Источник цитаты не найден.

¹³ Самоирония: вероятно, завуалированный намек на собственные неудачные «гендерные эксперименты» в контексте отношений с Э. Овербек. См.: *Богомолов Н.А., Соболев А.Л.* Заветный вензель: К биографии Е. Овербек // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 311–331.

14. П. Вейнберг — З. Гиппиус

24 июня 1898. СПб.

Петербург, Среда, 24 июня¹

Завтра, о непокоряющаяся покорительница, в 11¼ ч. *ночи* я буду в Меррекюле². По дороге не заеду в Аврору³ потому, что буду проезжать в те часы, когда авроры *уже* нет и *еще* нет на небе. Памятуя всеми уголками моего юного сердца, что Вы — по-видимому, серьезно — хотели сделать экскурсию в тот самый Меррекюль в моем сообществе (о чем я мечтаю, как о рае Магомета, с тою только разницею, что с *одною* гурией вместо многих), — итак, памятуя это, и спрашиваю нижеследующее:

1) Немедленно по получении настоящего послания, написать мне, адресуя в *Меррекюль, Кургауз*, действительно ли Вы намерены осуществить для меня вышеупомянутый Магометов рай или это была только легкомысленная мечта Вашего легкомысленного существа. 2) В первом случае я приготовлю для Вас помещение, если не совсем царское, то к таковому подходящее, — на тот день, который Вы укажете, немедленно донесу Вам, и Вы, избрав один из часов отхода поезда (их много), поместите Вашу победоносно очаровательную фигуру в вагоне и прибудете на *станцию Корф*, где в назначенный Вами час (сообразно времени Вашего выезда из Авроры) я буду находиться для приема вашей хрупкой, но твердой особы, с трепетным ожиданием и трепещущим (вернее, дребезжащим) экипажем, который и примчит нас в Меррекюль. — Прошу иметь в виду, что я пребуду в Меррекюле до *1го июля* включительно; следовательно, если Вы приедете с таким расчетом, чтобы уехать *1го*, то я лично провожу Вас до самого Елисаветино. В противном случае доставлю сокровище, т.е. Вас, на ту же станцию Корф, откуда Вы и проследуете на родину. Расстояние от Елисаветино до Корфа около 3^х с минутами часов. Для Вас было бы самое удобное ехать с тем поездом, который проходит через Елисаветино в *11 ч. 37 минут дня*; кроме того, Вы могли бы ехать [*нрзб.*].

ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 1039. Л. 1.

¹ Год определяется на основании ответного письма З. Гиппиус. См. п. № 15.

² Меррекуль — курорт в Эстляндской губернии на берегу Финского залива.

³ Название дачи в имении Дылицы под Петербургом, где Мережковские отдыхали летом 1898 г.

15. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

26 июня 1898. Дылицы

Аврора.
26 Июня, 98

Драгоценный Петр Исаевич!

Пишу вам, в ответ на ваши строки, письмо тяжелое и великое, как моя грусть, — (видите, даже две марки на нем, по требованию почтового начальства). Поверьте, намерение мое поехать в Меррекуль было чрезвычайно серьезно¹, и если теперь я должна от него отказаться, то тому есть важные причины. А именно: я опять чувствую себя скверно, не хожу даже гулять целую неделю и, вероятно, через несколько дней поеду в СПб., к своему доктору², если он вернется, или к Шершевскому³. Это, вероятно, случайное нездоровье, я знаю, где я простудилась. Немудрено и простудиться в такую подлую погоду. И поехали же вы в Меррекуль под столь неприятным небом! Я верю, конечно, что хотя «небеса унылы и низки — но ваш дух вечно высок»⁴ — однако немного утешаюсь, из себялюбия, дурной погодой; не так завидно и не чересчур досадно, что не удалось с вами провести эти несколько дней. Видно, уж надо подождать с путешествиями до зимы, когда я еще не теряю надежды — вы меня увезете наконец в Монте-Карло⁵.

«Я хочу того, чего не бывало,
Никогда не бывало...»⁶

А это наверно бывало, что вы ездили с кем-нибудь в Меррекуль, что же касается Монте-Карло... то даже если вы уже и увозили туда других — молчите! молчите! Я хочу верить, что этого «никогда не бывало».

Напишите, где же вы будете после первого июля? Опять в Петербурге? И на Итальянской, или уже на родном пепелище?⁷ Спрашиваю я вас потому, что мы с супругом часто будем в городе, хотим непременно повидать вас и еще надеемся уговорить превосходительного поэта совершить специальное путешествие в Аврору, нарочное, а не попутное. Наш друг Сергей Аркадьевич, кажется, совсем пал духом перед операцией⁸. Я даже и не увижу его в городе. Надо надеяться, что он воспрянет, когда все кончится. Дайте же

весточку, единственный мой Петр Исаевич, а не то подумаю, что вы рассердились. И без того мало добрых друзей, надо уж хорошенько держаться вместе. — Читаю Гейне; никогда его не знала раньше!

Супруг шлет самые сердечные приветы. Я же всегда ваша
Zina von Hippus

[по левому полю оборота последнего листа:]

И откуда у вас только рифмы?⁹

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 8–9.

¹ См. п. № 14.

² Сабинский Зиновий Юлианович. Правда, с середины 1890-х гг. Гиппиус за медицинскими консультациями стала обращаться и к Михаилу Владимировичу Яновскому (1854–1927) — видному петербургскому терапевту, ученику и последователю С.П. Боткина, в 1892–1925 гг. профессору кафедры диагностики и общей терапии Военно-медицинской академии.

³ Сведений об этом лечащем враче Гиппиус разыскать не удалось.

⁴ Перифраз из стихотворения З. Гиппиус «Посвящение» (1894).

⁵ Монте-Карло — аристократический курорт, недалеко от Ниццы; в конце XIX в. славился не только своими грязями и лечебными ваннами, но и фешенебельным казино, основанным в 1865 г. Карлом III, а также своим оперным театром, получившим мировую известность. Вейнберг неоднократно бывал в Монте-Карло. Само пожелание Гиппиус увезти ее в Монте-Карло, выраженное ироническим тоном, возможно — спонтанная болезненная реакция на воспоминания о ее запутанных и напряженных отношениях с Минским и А. Вольнским осени–зимы 1894–1895 гг., когда Минский находился на лечении в южной Франции.

⁶ Перифраз из «Песни» З. Гиппиус (1893), ср.: «О, пусть будет то, чего не бывает, // Никогда не бывает...».

⁷ См. примеч. 9, где приводятся два экспромта Вейнберга, адресованных Гиппиус. Во втором из них он в шуточной форме объясняет временную смену петербургских адресов своего жительства.

⁸ Речь о С.А. Андреевском. Что за операцию ему должны были делать в 1898 г. — установить не удалось.

⁹ На это письмо последовал ответ Вейнберга в виде стихотворного письма-экспромта, написанного из Меррекуля 30 июня 1898 г.:

Давно уж мистером Шекспиром
Ваш пол «прекрасный» перед миром
Как пол «коварный» заклеюмен;
И, вторя мистеру Шекспиру,
На тот же тон настроить лиру
Я Зинаидой принужден. [...]

и т.д.

(Полностью экспромт опубликован в кн.: *Фидлер Ф. С.* 270).

Наконец, 4 июля уже из Петербурга и вновь в жанре стихотворного экспромта Вейнберг шлет Гиппиус приглашение навестить его дома:

Спешу до сведенья прелестной сицильянки
Довесть, что временно меня с брегов Фонтанки

Ремонт прогнал — и нынче адрес мой:
По Малой Итальянской, пятьдесят седьмой. [...] и т.д.
(Полностью текст опубликован в кн.: *Фидлер Ф.* С. 269–270).

16. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

*Начало июля 1898. СПб.*¹

Дорогой Петр Исаевич, пусть мы живем на седьмом этаже² — неужели это остановит вас и заставит отказать мне — а я прошу вас прийти к нам в среду. В эту среду, седьмого. Пожалуйста, пожалуйста, придите! А то я буду думать, что вы боитесь перспективы путешествия в Монте-Карло...³

Зин. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп.1. Ед. хр. 11. Л. 52.

¹ Датируется по содержанию. См. примеч. 3.

² Эта фраза — отзвук экспромта Вейнберга «Хоть у вас седьмой этаж...» и т.д. (см. примеч. 4 к п. № 4). Этаж, на котором жили в то время Мережковские в доме Мурузи, на самом деле был пятым.

³ О «путешествии в Монте-Карло» заходит речь в письме Гиппиус от 26 июня 1898 г. (п. № 15). По связи с содержанием этого письма записку можно условно датировать 1898 г. Написана она, вероятно, в один из кратковременных приездов Мережковских в Петербург из Елизаветина, где они жили на даче «Аврора». Всё в том же письме от 26 июня Гиппиус и договаривается с Вейнбергом о встрече, планируя свой приезд на начало июля. В этом случае фразу «В эту среду, седьмого» следует понимать как «7 июля».

17. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

18 октября 1898. СПб.

Воскресенье, 18 окт. 98

Литейный, 24

Дорогой Петр Исаевич!

С плачем покинув Аврору, мы, наконец, водворились в жарком и тесном доме Мурузи. Случилось это недавно, несколько дней тому назад. Немцы (жильцы нашей квартиры) оставили ее в плачевном виде, и вот только теперь Бог и воля помогли нам устроиться по-прежнему.

Душа моя горит желанием вас видеть... хотя не скрою, что сердита немного на вас. Сколько я трудилась над длиннейшим стихотворным письмом, единственным в моей жизни!¹ Ведь «я, увы, не вы, а вы — не я»², мне это не легко... а вы и не ответили!

Но жажду видеть вас, пусть вы коварны! (Это ничему не мешает.) Где же, когда же, скоро ли?³

Ваша З. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 18–19.

¹ «Длиннейшее стихотворное письмо», написанное Гиппиус в жанре иронического послания «П.И. Вейнбергу» («Вы задали мне трудную задачу!..»), с датой «Суббота, 25 июля [18]98. Аврора», опубликовано и прокомментировано А.В. Лавровым в кн.: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 288–290; 526–527.

² Цитата из вышеупомянутого послания.

³ Одна из таких вечеринок у Мережковских с участием Вейнберга описана в дневнике Фидлера в записи, датированной 2 апреля 1899 г. (См.: *Фидлер Ф.* С. 268–271).

18. 3. Гиппиус — П. Вейнбергу

7 ноября 1898 г. СПб.¹

Суббота
7 Н[оября]

Дорогой Петр Исаевич! Носились смутные слухи, что вы хотите нас позвать обедать во вторник. Я не удовлетворена слухами, есть у меня необходимость знать твердо, да или нет? Потому что на вторник у меня имеется ангажемент, который я, в случае утвердительного ответа, должна заранее перенести на другой день. И непременно заранее!

Поэтому не сердитесь на меня и черкните строчку до завтрашнего дня.

Вечно ваша

З. Мережковская

Эпиграф к письму (это ничего, что в конце)

«Я безумна, но постоянна...»
Лохвицкая²

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 35–36.

¹ Год устанавливается по соотношению даты и дня недели.

² Лохвицкая Мария Александровна (псевдоним — Мирра Лохвицкая; 1869–1905) — поэтесса. Приведенная Гиппиус цитата взята из стихотворения «Лучистым роем несутся мимо...»: «Вдали безвестно, вдали туманно, // И безотрадно ожидание. // Да, я безумна, но постоянна // И в наслажденье, и в страдании». Этот же мотив повторяется и в финале: «... Да, я безумна, но постоянна, // Я верю, близкий! Я жду, единственный!». См.: *Лохвицкая М.А.* Стихотворения. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1900. Том III: 1898–1900. С. 78. В составе цикла «В лучах восточных звезд». Строчка, вырванная Гиппиус из контекста, явно заключает в себе ироническую оценку личности и творчества «русской Сафо», как прозвали Лохвицкую современники. Знакомство поэтесс, скорее всего, состоялось на «пятницах» К.К. Случевского, которые обе начали посещать с 1898 г. Тогда же современники стали замечать и первые признаки плохо скрываемой ревности Гиппиус к автору скандального «Кольчатого змея» и других подобных стихов, пользовавшихся популярностью среди окружения В. Брюсова и К. Бальмонта из-за смело-откровенной трак-

товки эротической темы. Это, в частности, зафиксировали П.П. Перцов в мемуарах (см.: *Перцов П.П.* Литературные воспоминания / Изд. подгот. А.В. Лавров. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 177–178) и Фидлер в дневниках (см.: *Фидлер Ф.* С. 235).

19. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

22 декабря 1900 — 2 февраля 1901. СПб.¹

Пятница

О, великолепнейший Петр Исаевич! Только вернувшись со Строгановской выставки², пять минут седьмого, я получила Вашу записку. Увы! Было поздно! Ведь следовало переменить платье! Печалилась, как Ниобея. Она потеряла много детей, а я много друзей и много удовольствия. Когда же увидимся?

Ваша Зина Гиппиус-Мережковск[ая]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 49.

¹ Датируется по содержанию. См. примеч. 2.

² Речь идет о Международной Художественно-промышленной выставке керамических изделий, открывшейся в Петербурге 17 декабря 1900 г. в стенах вновь отстроенного здания Пассажа на Невском проспекте (См.: Торгово-промышленная газета. 1900, 19 декабря. С. 2), где, наряду с крупнейшими художественно-промышленными фирмами Европы и России, выставляли свои работы преподаватели и учащиеся Строгановского училища (Москва). 4 февраля 1901 г. они удостоились Почетного диплома (см.: *Шульгина Е.Н., Пронина И.А.* История Строгановского училища. 1825–1918. М.: Русское слово, 2002. С. 171). 8 февраля (четверг) состоялось награждение победителей главными призами и торжественное закрытие выставки (см.: Торгово-промышленная газета. 1901, 9 февраля. С. 3). Соответственно, первая «пятница», когда Гиппиус могла посетить выставку, приходится на 22 декабря 1900 г., а последняя — на 2 февраля 1901 г. Рецензенты, в целом весьма скептически оценивая изделия прославленных отечественных фарфоровых заводов, сочувственно выделяли на их фоне экспонаты «Строгановки». Так, рецензент «Мира искусства» отмечал: «Лучше других витрина Строгановского училища в Москве. Экспонаты красивы по тону. Кой-где заметны также и стремления к “национально-самобытным” формам. Чувствуется, что работы Абрамцевского завода оценены по достоинству преподавателями училища» (*Бержаницкий Д.* Выставка керамических изделий // *Мир искусства.* 1901. Т. 5. № 1. С. 51). Возможно, эта рецензия и побудила Гиппиус, являвшуюся автором «Мира искусства», посетить именно экспозицию Строгановского училища, представленную на выставке.

20. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

5 февраля 1903. СПб.

Пусть проходят дни и годы,
Вечно та же сердцем я!

Жадно рвусь под Ваши своды,
И со мной — мои друзья.

Но... живу я наизнанку,
Как подняться спозаранку?
Разболится голова...
Мы приедем на Фонтанку
В среду, в среду, ровно в 2¹.

[Подпись]
5.2.[19]03²

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 16.

¹ Опубликовано А.В. Лавровым в кн.: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 325.

² Согласно комментарию А.В. Лаврова, имеется в виду 7 февраля 1901 г. (Там же. С. 528).

21. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

16 марта 1903 г. СПб.

Литейный 24.
16.3.[19]03. СПб

Добрый, милый, потерянный и невозвращенный
Петр Исаевич!

Очевидно, нет надежды... «Что было — то не будет вновь...»¹
И ваши слова, при встрече у Крестовской, — о том, что вы собираетесь к нам, и хотите к нам, и т.д. — очевидно, лишь «слова, слова!»² Но я, поскольку я женщина, *не желаю* верить очевидностям; и — признаюсь! — верю, до сих пор верю, что «все вернется», что вы еще придете к нам, и мы поговорим, и даже договоримся до чего-нибудь хорошего.

А пока — присылаем к вам три письма Надсона с просьбой о скорейшей помощи! Цензура требует (придираясь) разрешения «наследников»³. Наследник — Фонд, это, конечно, формальность и зложелательство цензуры, но делать нечего! Не можете ли вы подписать, что Фонд согласен? иначе письма не попадут в апрельскую книжку Нового Пути (который вы знать не хотите, какие умильные улыбки он вам ни строит, — да простит вам Бог!). — Письма эти писаны к Д[митрию] С[ергеевичу], оригиналы у нас.

Очень просим быстрого ответа... разрешения и — для меня лично — нескольких слов для подкрепления веры и надежды!!!

Зинаида Гиппиус-Мережковская

[по верхнему и левому полю последнего листа:]

PS. Не пришли, не пришли на наш «вечер»! Не верите еще в наш «либерализм»! Сколь сие несправедливо!!!

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 12–13.

¹ Строчка из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы». См. монолог старого цыгана, обращенный к Алеко:

К чему? вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

² Строчка из трагедии «Гамлет» В. Шекспира (д. II, сцена 1), ставшая крылатым выражением, высмеивающим многословие, пустые обещания и т.п.

³ Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) — поэт, литературный критик, поэтический кумир молодежи 1880-х гг. Завещал посмертное издание своих сочинений Литературному фонду. Комментарий неприятного инцидента, связанного с публикацией писем Надсона в «Новом пути», см. во вступит. статье.

22. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

22 марта 1903. СПб.

22.3.[19]03.
Лит[ейный] 24

Дорогой Петр Исаевич!

Разрешение *наследников* для печатания *писем* умершего писателя — формальность, которая никогда не применяется и никаким цензорам не требуется, кроме нашего, это его индивидуальная особенность. Во всех журналах каждый день печатаются письма без испрашивания этих согласий. К *литературному* наследству письма личные не относятся. Да оно и понятно. Таким образом, если это лишь цензурная — и случайная — формальность, может ли *формальность* относиться к *нравственности*, и необходимо ли тут искать помимо законных — еще «нравственных» наследников? В данном случае, я, вполне признавая за Марьей Валентиновной¹ право на нравственное литературное наследство Надсона, — не могу думать, чтобы это право простиралось на те дружеские письма, которые Надсон писал Дм[итрию] С[ергееви]чу задолго до знакомства с нею². Печатание этих писем никоим образом нейдет также против общечеловеческих понятий о нравственности, а потому вопрос о том, могут ли эти письма быть напечатаны в «Новом Пути», — сведется к вопросу, достаточно ли нравственен наш журнал для имени Надсона. И вы понимаете, милый Петр Исаевич, что мы *нравственно* не можем признать за глубокоуважаемой Марьей Валентиновной права судить и осуждать нас с этой точки зрения.

Впрочем, я надеюсь, что формальность так и останется формальностью, не будет перенесена в другие сферы, и все окончится благополучно³. Надеюсь также, что и вы со временем снимете с нас

грустное и незаслуженное проклятие, вспомните, как когда-то мы с вами любили друг друга

«И пламенно, и нежно...»⁴ —

и придете к нам, дадите на себя посмотреть!

Ваша

Зин. Гиппиус-Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 10–11.

¹ Ватсон Мария Валентиновна (1848–1932) — поэтесса, переводчица (с испанского и португальского), близкий друг и доверенное лицо С.Я. Надсона, издательница его произведений. Гиппиус познакомилась с ней в редакции еще «народнического» «Северного вестника». (См.: *Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 46.)

² В 1887 г. М.В. Ватсон запрашивала Мережковского о надсоновских письмах и 17 апреля 1887 г. получила от адресата уклончивый ответ: «Искал, рылся в бумагах, но ничего кроме незначительных записок не нашел. Нашел *одно* большое письмо, но его я *целиком* не дам по личным соображениям» (цит. по вступит. статье А.В. Лаврова: Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 177).

³ В итоге в «Новом пути» (1903. № 4. С. 151–154) было опубликовано не 3, как планировалось, а 2 письма Надсона к Мережковскому (1883). Уже в новейшее время 8 писем Мережковского к Надсону были опубликованы и прокомментированы А.В. Лавровым. См.: Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 178–192.

⁴ Цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова «Сашка»: «Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын, // Как русский, — сильно, пламенно и нежно!...»

23. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

5 июля 1904 г. Берхтесгаден

5/18 Июля [19]04.

Allemagne Baviere

Berchtesgaden¹

Villa *Shönfeldspitze*

Милый Петр Исаевич! Только что получили вашу открытку² — и вне себя от ужаса. «Presse»³ не видали, в вашей открытке не могли разобрать одного слова — *где* умер Чехов?⁴ В мае мы слышали, когда были в Москве, что он очень сильно болен. Он, ведь, уж очень давно был болен, прошлым летом совсем умирал. Черкните еще строчку сюда, какие знаете подробности, мы живем отшельниками и даже в забвении, ибо нам из России совсем перестали писать. Если б я знала, что вы так долго еще останетесь в Зальцбурге, я бы вам давно написала. Мы только третьего дня устроились, в дивных комнатах, в дивном пансионе среди полей и лесов, а то все мучились без пристанища, мыкались по жару. Уедем в Россию дней через 10–12. Ах, Боже мой, да где же умер Чехов??⁵

Приветствуем вас от сердца, кланяемся Екатерине Дмитриевне⁶.
Ваша З. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. XX.

¹ Германия. Бавария (*итал.*). Берхтесгаден (*нем.*) — курортный город в Баварии.

² Местонахождение этой открытки неизвестно.

³ Прессы, газет (*фр.*)

⁴ 2 июля на немецком курорте Баденвейлере.

⁵ В своих воспоминаниях Гиппиус так описывает этот эпизод: «...Мы случайно встретились с ним в Германии [Вейнберг находился там на лечении. — С.С.]. Тогда умер Чехов, — помню, как огорчился, даже возмутился этой смертью П.И.: высоко его ценил. Впрочем, раньше как-то сознавался, что в Чехове ему чужд подход к жизни “уж очень мелочной, хмурой, без положительного... А ведь талант-то какой, тургеневский!” Я еще поддразниваю: “Положительного! Вы привыкли к писателям с “идеалами”! Теперь другие песни!”» (*Гиппиус З. Живые лица. С. 171*). Эта оценка подтверждается письмом Вейнберга к Е.П. Летковой-Султановой от 2 (15) августа 1904 г.: «Смерть Чехова подействовала на меня очень удручающе, хотя его *восторженным* поклонником я не был никогда, и посмертные панегирики, назвавшие его «великим» писателем и почти приравнявшие его даже к великому из беллетристов Толстому, — нелепы и лишены всякого такта. Но, тем не менее, его жаль, бесконечно жаль, и как человека, и как литератора» (РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 6 об.). В свою очередь, отношение самой Гиппиус к личности и творчеству Чехова тоже было далеко не однозначно. Подробнее см.: *Ничипоров И.Б. Зинаида Гиппиус о творчестве А.П. Чехова // Нижегородский текст русской словесности. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. С. 84–88; Капустин Н.В. З. Гиппиус о Чехове (К вопросу об античеховских настроениях в культуре Серебряного века) // Чеховиана: Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С. 176–188; Сапожков С.В. Гиппиус З.Н. // А.П. Чехов. Энциклопедия / Под ред. В.Б. Катаева. М.: Просвещение, 2011. С. 482–483.*

⁶ Вероятно, имеется в виду Куломзина Екатерина Дмитриевна (1842–1918), в девичестве — Замятина, дочь министра юстиции Д.Н. Замятина. С 1865 г. — жена А.Н. Куломзина, в будущем видного государственного деятеля, много сделавшего для хозяйственного и культурного освоения Сибири.

24. З. Гиппиус — П. Вейнбергу *Не позднее марта 1906 г. СПб.*¹

Четверг

Друг моего верного сердца, коварный Петр Исаевич! Не придете ли к нам в сие воскресенье вечером? Скоро, скоро мы исчезаем с петербургского горизонта! Дайте же мне удовольствие полюбоваться на вас перед долгой разлукой². Для *вашего* удовольствия позову вашу пламенную поклонницу (к которой и вы чувствуете нежность) ех-Махову³.

Ваша

Зин. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 20–21.

¹ Датируется по содержанию. См. примеч. 2.

² Поскольку речь о «долгой разлуке», скорее всего, записка пишется накануне отъезда Мережковских в Париж в марте 1906 г.

³ Возможно, имеется в виду девичья фамилия Натальи Ивановны Манасеиной (1869–1930), известной детской писательницы, в 1898 г. вышедшей замуж за Михаила Петровича Манасеина (1860–1917?) — приват-доцента Военно-медицинской академии, известного врача-венеролога, искусствоведа. Петербургский дом Манасеиных был известен салоном, который посещали символисты.

Письма с неустановленной датой

25. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Нет, дорогой Петр Исаевич, приезжайте хоть поздно, мы все-таки будем ждать. Бедный Сергей Аркадьевич! (не говоря уже о нас). Он избрал *лишь 4-х* человек¹, и вот вы уже отпадаете! Вы должны были главным образом присутствовать. Спасович и вы. Если б мы знали, что вы измените, мы бы с Серг[еем] Арк[адьевичем] назначили другой день!! Сколь печально! Но все-таки, может, и освободитесь как-нибудь.

Ваша З. Мереж[ковская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 17.

¹ Речь идет о чтении С.А. Андреевским своей мемуарной «Книги о смерти», на которое он приглашал многих доверенных лиц. Одно из таких чтений состоялось на квартире Мережковских и описано в письме Гиппиус к Минскому от [5 февраля 1893]: «Теперь четыре часа, у меня сильнейшая мигрень, и я пишу вам два слова. Только что ушли от нас Андреевский, Урусов и Кавос. Андреевский читал мне и Урусову (Д[митрий] С[ергеевич] и К[авос] были у Полонского) книгу о смерти. Я не знаю, настроение ли у меня такое, или его воспоминания и чувства странно совпали с моими, — но эпизод с сестрой произвел на меня глубокое впечатление. Необъяснимо задело меня что-то. Хорошо, хорошо, и томительно, как жизнь, и отраднo, как смерть. Я не думала, чтоб Андр[еевский] мог так написать. Хорошо, что не надо думать, рассуждать, обобщать, постигать: как журчит ручей — бегут тихие, грустные воспоминания, тонкие, острые, — и знакомое что-то слышу я, знакомые слезы, знакомые голоса. Мне были неприятны неверные похвалы Урусова, я сердилась, бранилась; но это меня расшевелило [...]» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 205. Л. 73–75).

26. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой друг Петр Исаевич! Увы! увy! увy! увy! Наше министерство финансов в таком невозможно печальном состоянии (это уж всегда у бедных литераторов), что мы и думать не смеем об обедах

у Донона¹. Ни я, ни он! Зная меня, вы можете себе легко представить, как я огорчена. С горя поеду завтра на реку Волхов, к Новгороду.

Когда увидимся? Я о вас необыкновенно соскучилась, и все это потому, что у меня верное сердце, вы же известный ветреник и не умеете этого ценить.

Ваша

З. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 27–28.

¹ Речь идет о так называемых «Обедах беллетристов», проводимых в дорогом ресторане «Донон» под председательством Д.Л. Мордовцева. На них собирался весь литературно-артистический Петербург. Участники обедов вели свой юмористический журнал, в который записывали шуточные тосты, экспромты, эпиграммы («благоглупости»), рисовали дружеские шаржи. Первый обед состоялся 12 января 1893 г. Последний — 27 января 1901 г. Подробнее см.: *Сапожков С.В.* «Пятницы» К.К. Случевского (По новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 268. О Вейнберге как об устройтеле «литературных обедов» см.: *Морозов Ю.П.* Литературная жизнь // Исторический вестник. 1908. № 10. С. 155–156.

27. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Суббота

Дорогой Петр Исаевич, вы, кажется, забыли пригласить на воскресенье Зинаиду Афанасьевну? Она ждет официального извещения. Адрес ее: Невский, 59.

Я приеду к одиннадцати, ибо Дм[итрий] С[ергеевич] стесняется читать¹ все при мне. Главным образом, радуюсь, что увижу вас!

Верная вам

З. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 29.

¹ О чтении какого произведения Мережковского на квартире у Вейнберга идет речь, из контекста письма неясно. Судя по содержанию следующего недатированного письма (№ 28), предполагалось чтение романа «Юлиан Отступник».

28. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Суббота.

Дорогой Петр Исаевич, могу сказать, крайне прискорбно, что у баронессы¹ флюс, и мы, таким образом, все лишились приятной возможности собраться у вас. И безотраднее всего то, что неизвестно, когда вновь представится эта возможность, ибо в следующую субботу мы несвободны,

да и на неделе мало удобных дней. Жаль, право жаль: мы все были так хорошо настроены. Сергей Аркадьевич, получив ваше извещение, очень был удивлен и пришел к нам спрашивать, что случилось, — ибо он думал, что отмена идет от Дмитрия Сергеевича².

Кстати, как это вы не известили А.Л. Флексера³ о том, что вечер отложен? Он узнал это только случайно — и готов был явиться к вашей двери в положенное время, где его и ждало огорчительное разочарование. Сие было бы весьма неприятно, и я вполне понимаю, что он чувствует некоторую обиду.

Затем, свидетельствуя вам мое нижайшее почтение, позволяю себе надеяться, что все-таки, когда-нибудь, наступят счастливые времена, когда баронесса будет свободна от флюса и от других досадных помех — и мы соберемся вместе. Надежды не следует терять ни в каких случаях жизни.

Ваша Зинаида
Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 23–24.

¹ Возможно, В.И. Иксуль. См. примеч. 7 к п. № 9.

² Из контекста письма можно предположить, что речь, вероятно, опять (см. п. № 27) идет об отмененном вечере на квартире Вейнберга, где Мережковский должен был читать своего «Юлиана Отступника».

³ Флексер Аким Львович (псевдоним — Волынский; 1861–1926) — ведущий литературный критик журнала «Северный вестник» после перехода его в 1890 г. в руки Б.Б. Глинского и Л.Я. Гуревич. Присутствие Волынского на чтении «Юлиана Отступника» было крайне важно Мережковским, поскольку от его решения полностью зависела судьба публикации романа в журнале.

29. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич! Вы не требовали красоты и особого смысла. Вот вам 12 строк, придуманных нами вдвоем, за обедом. Решительно отказываюсь и я, и Д[митрий] С[ергеевич] — создать что-нибудь более возможное на эту кантатную тему.

Стихи — на третьей странице¹. Всего хорошего. Думаю все-таки быть на вашей лекции в пятницу, если рано кончу итальянский урок.

Ваша Зин. Мережков[ская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 30.

¹ Эта страница в письме отсутствует. Какие стихи на «кантатную тему» прислали Вейнбергу Мережковские — судить трудно. Можно осторожно предположить, что это были стихи, написанные для юбилейного вечера Литературного фонда, посвященного 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина. См. вступит. статью.

30. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Воскресенье

Дорогой Петр Исаевич, приходите к нам в четверг, хоть ненадолго! Пожалуйста! Просим также оставить нам ложу в 20 р., кого-нибудь с собой захватим.

Всегда ваша

Зинаида М[ережковская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 33–34.

31. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич!

Я приду к Вашим дверям и буду стоять, пока меня не впустят, а когда увижу Вас — не уйду, пока не выпрошу отпущения грехов. Меня мучает мысль, что я доставила Вам неприятность¹. Я бы еще вчера пришла успокоить свою совесть — но совсем больна.

Нет, нет, приеду непременно — и сумею получить прощенье.

З. Гиппиус

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 37–38.

¹ Возможно, речь идет о скандальном поведении Гиппиус на Пушкинском вечере в Мариинском театре, состоявшемся 3 апреля 1899 г. Подробнее см. вступит. статью.

32. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

СПб.

Четверг

После дороги, увы! муза покинула меня, мой неоцененный друг, и могу отвечать вам лишь презренной прозой: прибудем к вам на беседу завтра вечером, пораньше.

До сладкого свиданья!

З. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 39–40.

33. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Вторник

Дорогой Петр Исаевич, пятница — ваш трудный день, но вы у баронессы¹ бываете по пятницам, значит, и к нам можете постараться — и прийти. А ежели не придете, о Петр Исаевич, то я буду знать, что вы меня не немножко

меньше баронессы любите (как думаю теперь), а гораздо, несравнимо меньше. И сама немедля изменю вам и полюблю... Герсеванова².

Чтения никакого не будет. Итак — до пятницы (3-го) вечером.
 Страшно хочу вас и жду вас
 Зин. Мережковская

[конверт:]

Его Превосходительству Петру Исаевичу Вейнбергу. Фонтанка, 25.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 41.

¹ В.И. Иксуль. См. примеч.7 к п. № 9.

² Возможно, имеется в виду С.А. Андреевский. Девичья фамилия его матери — Герсеванова.

34. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич,
 я забыла вам сказать, что мы живем на квартире, подъезд последний по Басковой¹, в третьем этаже.

Могу прибавить, однако,

Что этаж хотя и низкий —
 Не по-прежнему мы близки,
 И «любовь» не та уже,
 Как в десятом этаже!

До субботы!

Зин. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 46.

¹ Ныне — улица Короленко.

35. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич,
 вы, надеюсь, не забыли дать мне карточку на вечер или, если это неудобно, один или два дешевых билета? Жду известий насчет этого из вашего дома. Здоровье мое довольно скверно, я еще не выходила и хриплю, но для вас изо всех сил постараюсь выздороветь; и, хоть больная, приеду.

Ваша

З. Мережковская.

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 47.

36. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич!

Мы уезжаем во вторник. Может быть — в четверг, но гораздо вернее, что во вторник. Портрет¹ я вам пришло комментировать, — хотя других не заказала.

Неужели мы не увидимся?

Ваша Зин. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 50.

¹ Имеется в виду фотография.

37. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич! Хотя я чувствую, что вы отняли у меня вашу прежнюю благосклонность — я беру на себя дерзновенье прибегнуть к вам с просьбой: нет ли у вас Мюрже?¹ Во всем Петербурге его нельзя достать, если у вас нет — так и нигде нет. Но Чумина говорит, что у вас есть. А нам так нужно!!

Огорченная вашим холодом

Зинаида Мережковск[ая]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 51.

¹ Анри Мюрже (1822–1861) — французский прозаик и поэт, автор романа «Сцены из жизни богемы» (1851). На его сюжет Дж. Пуччини написал в 1885 г. оперу «Богема». Зачем Мережковским понадобился роман Мюрже — установить не удалось.

38. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой и единственный Петр Исаевич! Приходите к нам в четверг на той неделе, 14-го числа. Пишу вам нарочно раньше, потому что мои письма часто запаздывают. Пожалуйста, приходите! Во что бы то ни стало, приходите! У нас будет скромнейший из фестивалей.

Ваша Зина
Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 53–54.

39. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Дорогой Петр Исаевич, простите за беспокойство, это супруг самовольно напутал, не присылайте за мной никаких карет, ибо я приехать могу *не раньше 9 часов* — и не хочу заставлять себя ждать.

З. Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 55–56.

40. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Голубчик Петр Исаевич, я искренно хотела прийти сегодня к вам и даже отказала англичанке¹, но, должно быть, я простудилась на вчерашнем дожде: чувствую лихорадку и головную боль. Лежу и тоскую.

Ваша Зин. Мер[ежковская]

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 57.

¹ Имеется в виду репетитор З. Гиппиус по английскому языку, г-жа Краун.

41. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Среда

Драгоценный Петр Исаевич.

Так как я не буду иметь счастья видеть вас в пятницу в шекспировском кружке¹ — то этим посланием напоминаю вам о субботе. Приходите, хотя бы на самое краткое мгновенье, после лекции!

Ваша Зинаида
Мережковская

ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 58.

¹ О «Шекспировском кружке» см. примеч. 3 к письму № 1. Также см. вступит. статью.

42. З. Гиппиус — П. Вейнбергу

Суббота

Петр Исаевич!

Чудовищные обстоятельства помешали нам прийти сегодня: вы это легко поймете, ибо сами часто многому изменяете. Мы придем завтра, в воскресенье, в 2 часа дня. Если вам нельзя, — не придем, но тогда назначьте другую минуту, уже нерушимую.

Надеюсь — до свиданья!

Ваша Зин. Мережковская.

ИРЛИ. Разряд III. Оп. 2. Ед. хр. 260. Л. 1.

Литература

Богомолов Н.А., Соболев А.Л. Заветный вензель: к биографии Е. Овербек // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 311–331.

Бокова В. Баронесса Иксуль // Лица. Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. Вып. 4. С. 95–123.

Венгерова З.А. П.И. Вейнберг: (к 50-летию его литературной деятельности) // Образование. 1901. № 12. С. 93–101.

Гехтман М.В. Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М.: Интелвак, 2007. 160 с.

Гиппиус З. Дневники: В 2 т. / Под ред. А.Н. Николоюкина. М.: Интелвак, 1999. 736 + 720 с.

Гиппиус З. Живые лица / Изд. подгот. А. Николоюкин. М.: Олма-Пресс, 2002. 448 с.

Гиппиус З.Н. Письма к П.П. Перцову / Публ. М.М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124–158.

Гиппиус З. Стихотворения / Публ. А.Л. Соболева // Русская литература. 1991. № 2. С. 181–190.

Гиппиус З. Стихотворения / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. (Новая Библиотека поэта. Большая серия). 592 с.

Гиппиус З. Чего не было и что было: Неизвестная проза 1926–1930 годов / Под ред. А.Н. Николоюкина. СПб.: Росток, 2002. 592 с.

Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. 312 с.

Зобнин Ю. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 448 с. («ЖЗЛ»)

Капустин Н.В. З. Гиппиус о Чехове (К вопросу об античеховских настроениях в культуре Серебряного века) // Чеховиана: Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С. 176–188.

Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 300 с.

Лохвицкая М.А. Стихотворения. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1900. Том III: 1898–1900. 208 с.

Мережковский Д.С. Письма к С.Я. Надсону / Публ. А.В. Лаврова // Новое лит. обозрение. 1994. № 8. С. 174–193.

Морозов Ю.П. Литературная жизнь // Исторический вестник. 1908. № 10. С. 155–156.

Ничипоров И.Б. Зинаида Гиппиус о творчестве А.П. Чехова // Нижегородский текст русской словесности. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. С. 84–88.

Перцов П.П. Литературные воспоминания: 1890–1902 / Изд. подгот. А.В. Лавров. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 496 с. (Россия в мемуарах)

Сапожков С.В. Гиппиус З.Н. // А.П. Чехов. Энциклопедия / Под ред. В.Б. Катаева. М.: Просвещение, 2011. С. 482–483.

Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (по новым материалам). Альбом «Пятниц» / Публ. С.В. Сапожкова // Новое лит. обозрение. 1996. № 18. С. 232–376.

Тиандер К.Ф. Петр Исаевич Вейнберг // Известия Отделения русс. яз. и словесн. Имп. Академии Наук. 1909. Т. XIV. Кн. 4. СПб., 1910. С. 132–151.

Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 864 с. («Россия в мемуарах»).

Шекспир: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962 / Сост. И.М. Левидова. М.: Книга, 1964. 712 с.

Шнейдерман И. Мария Гавриловна Савина. 1854–1915. Л.; М.: Искусство, 1956. 420 с.

Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 448 с.

Шульгина Е.Н., Пронина И.А. История Строгановского училища. 1825–1918. М.: Русское слово, 2002. 336 с.

References

Bogomolov, N.A.; Sobolev, A.L. "Zavetnyi venzel': k biografii E. Overbek". *Literaturnyi fakt*. 2016. № 1–2. P. 311–331.

Bokova, V. "Baronessa Ikskul". *Litsa. Biograficheskii al'manakh*. Moscow; St.-Petersburg: Fenix; Atheneum, 1994. Issue. 4. P. 95–123.

Fidler, F.F. "Iz mira literatorov: Kharaktery i suzhdeniia", ed. K.M. Azadovskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2008. 864 p. (ser. "Rossiia v memuarakh").

Gekhtman, M.V. *Bibliografiia prizhiznennykh izdaniy i publikatsii Z.N. Gippius*. Moscow: Intelvak publ., 2007. 160 pp.

Gippius, Z. *Chego ne bylo i chto bylo: Neizvestnaia proza 1926–1930 godov*, ed. A.N. Nikoliukin. St. Petersburg: Rostok publ., 2002. 592 pp.

Gippius Z. *Dnevnik*: in 2 vols., ed. A.N. Nikoliukin. Moscow: Intelvak publ., 1999. 736 + 720 pp.

Gippius, Z. *Stikhotvoreniia*, ed., comm., introd A.V. Lavrov. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. (ser. "Novaia Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia"). 592 pp.

Gippius, Z. *Stikhotvoreniia*, ed. A.L. Sobolev. *Russkaia literatura*. 1991. № 2. P. 181–190.

Gippius, Z. *Zhivye litsa*, ed. A. Nikoliukin. Moscow: Olma-Press, 2002. 448 pp.

Gippius, Z.N. *Pis'ma k P.P. Pertsovu*, ed. M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*. 1991. № 4. P. 124–158.

Gippius-Merezhkovskaya, Z. *Dmitrii Merezhkovskii*. Paris: YMCA-Press, 1951. 312 pp.

Kapustin, N.V. "Z. Gippius o Chekhove (K voprosu ob antichekhovskikh nastroeniakh v kul'ture Serebrianoogo veka)". *Chekhoviana: Iz veka XX v XXI. Itogi i ozhidaniia*. Moscow: Nauka Publ., 2007. P. 176–188.

Levin, Iu.D. *Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda*. Leningrad: Nauka Publ., 1985. 300 pp.

Lokhvitskaya, M.A. *Stikhotvoreniia*. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina publ., 1900. Vol. III: 1898–1900. 208 pp.

Merezhkovskii, D.S. "Pis'ma k S.Ia. Nadsonu", ed. A.V. Lavrov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994. № 8. P. 174–193.

Morozov, Yu.P. "Literaturnaia zhizn". *Istoricheskii vestnik*. 1908. № 10. P. 155–156.

Nichiporov, I.B. "Zinaida Gippius o tvorchestve A.P. Chekhova". *Nizhegorodskii tekst russkoi slovesnosti*. Nizhnii Novgorod: NGPU Publ., 2007. P. 84–88.

Pertsov, P.P. *Literaturnye vospominaniia: 1890–1902*, ed. A.V. Lavrov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2002. 496 pp. (ser. "Rossiia v memuarakh").

Sapozhkov, S.V. "'Piatnitsy' K.K. Sluchevskogo (po novym materialam). Al'bom 'piatnitsy'", ed. S.V. Sapozhkov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1996. № 18. P. 232–376.

Sapozhkov, S.V. "Gippius Z.N." *A.P. Chekhov. Entsiklopediia*, ed. V.B. Kartaev. Moscow: Prosveshchenie publ., 2011. P. 482–483.

Shekspir: bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke. 1748–1962, comp. I.M. Levidova. Moscow: Kniga, 1964. 712 pp.

Shneiderman, I. *Mariia Gavrilovna Savina. 1854–1915*. Leningrad; Moscow: Iskusstvo publ., 1956. 420 pp.

Shruba, M. *Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'*. Moscow: Novoe literaturnie obozrenie, 2004. 448 pp.

Shul'gina, E.N.; Pronina, I.A. *Istoriia Stroganovskogo uchilishcha. 1825–1918*. Moscow: Russkoe slovo publ., 2002. 336 pp.

Tiander, K.F. "Petr Isaevich Veinberg". *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk*. 1909. V. XIV. Book. 4. St. Petersburg, 1910. P.132–151.

Vengerova, Z.A. P.I. "Veinberg: (k 50-tiletiu ego literaturnoi deiatel'nosti)". *Obrazovanie*. 1901. № 12. P. 93–101.

Zobnin, Yu. *Dmitrii Merezhkovskii: Zhizn' i deianii*. Moscow: Molodaia gvardiia publ., 2008. 448 pp. (ser. "ZhZL")

Z.N. Gippius — P.I. Veinberg: Correspondence

Introduction and commentaries by S.V. Sapozhkov

Editors: A.V. Sysoeva, S.V. Sapozhkov

Abstract: It is customary to think of Z.N. Gippius in the context of Modernist writers and the movement for the religious renovation of the Russian Silver Age. Literary and personal contacts of the "decadent Madonna" were not limited, however, to the close environment of her fellow-thinkers and involved representatives of other "parties", sometimes opposed to the literary Avantgarde or those on the verge of then existing mass literature. The correspondence between of Z. Gippius and P.I. Veinberg, a satirical poet and translator, and a supporter of the democratic ideals of the 1860-ies, published herewith, can be a starting point for making a radically different paradigm of Z. Gippius' literary and personal contacts and help discover new facets of her personality open to the versatility and diversity of the literary process of the turn of the centuries. Z. Gippius' letters to P.I. Veinberg constitute a part of the forthcoming volume *From Z.N. Gippius' Epistolary Heritage* (series *Literaturnoe Nasledstvo*).

Keywords: Z.N. Gippius, P.I. Veinberg, Literary Fund, literary soiree, Shakespearian circle, K.K.Sluchevsky's "Fridays", poetic impromptu, bon mot, ironic writing, "culture of laughter".

Information about the authors: Sergei Veniaminovich Sapozhkov, Doctor Hab. of Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University. E-mail: servensap@yandex.ru

Anastasia Vladimirovna Sysoeva, PhD, Junior Research Associate, Manuscript Division of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: sysoevaav@gmail.com